

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Ив. Бунинъ.

W $\frac{86}{163}$

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Стихотворенія.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Списокъ отъ 20 декабря 1902 г. Цѣна.

М. Горькій. Разказы. Томъ I.	1 р. — к.
М. Горькій. Разказы. Томъ II.	1 » — »
М. Горькій. Разказы. Томъ III.	1 » — »
М. Горькій. Разказы. Томъ IV.	1 » — »
М. Горькій. Разказы. Томъ V.	1 » — »
М. Горькій. Мѣщане. Драм. эскизъ въ 4 актахъ.	— » 60 »
М. Горькій. На днѣ. Картины. 4 акта.	— » 60 »
Л. Андреевъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
Сниталецъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разказы. Томъ II.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разказы. Томъ III.	1 » — »
Е. Чириковъ. Пьесы.	— » 60 »
Ив. Бунинъ. Томъ I. Разказы.	1 » — »
Ив. Бунинъ. Томъ II. Стихотворенія	1 » — »
Н. Телешовъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
А. Серафимовичъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
А. Нупринъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
С. Юшковичъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
Гусевъ-Оренбургскій. Разказы. Томъ I. Печатается	— » — »
Эсхиль. Скованный Прометей	— » 30 »
Софонлъ. Эдинъ-даръ.	— » 40 »
Софонлъ. Эдинъ въ Колонѣ	— » 40 »
Софонлъ. Антигона	— » 40 »
Эврипидъ. Медея	— » 40 »
Эврипидъ. Ипполитъ	— » 40 »
Эсхиль, Софонлъ и Эврипидъ. Трагедіи. Роскошно-иллюстр. изд.	— » — »
Выидеть въ январь 1903 г.	— » — »
Платонъ. Пиръ. Съ иллюстраціями	— » 60 »
Байронъ. Мавфредъ. Печатается.	— » — »
Байронъ. Кантъ. Печатается.	— » — »
Леопарди. Разговоры. Печатается.	— » — »
Леопарди. Мысли. Печатается.	— » — »
Шелли. Полное собраніе сочиненій въ 3 томахъ. Томъ I.	2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд.	2 » — »
Э. Золя. Углекислоты. Изд. второе	1 » — »
Эрнманъ-Шатрианъ. Гаспаръ Фиксъ.	— » 65 »
П. Милуковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи.	1 » 50 »
Н. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Изд. 2-е печатается	— » — »
Нинольскій. Лѣтнія поездки натуралиста.	2 » — »
Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. третье	2 » — »
Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изд. второе	1 » 50 »
Юнгъ. Солнце. Изд. второе	1 » 50 »
Тиндаль. Звукъ. Изд. второе.	1 » 50 »
Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. второе	— » 80 »
Клейнъ. Чудеса земного шара. Печатается	— » — »
Боммели. Исторія земли. Печатается	— » — »
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища	1 » 20 »
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологич. эпохъ. Печатается.	— » — »
Джемсъ. Психологія. Изд. четвертое.	1 » 50 »
Штёрингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи. Печатается	— » — »
Вундтъ. Введеніе въ философію. Печатается	— » — »
Нуно Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ IV: Кантъ	4 » — »

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

Ив. Бунинъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Стихотворенія.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Стихотворенія.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

12756-58

ЛИСТОПАДЪ.

М. ГОРЬКОМУ.

Лѣсъ, точно теремъ росписной,—
Лилый, золотой, багряный,—
Веселой, пестрою стѣной
Стоить надъ свѣтлою поляной.
Березы желтою рѣзбой
Блестятъ въ лазури голубой;
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ, то здѣсь въ листьѣ сквозной
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступила нынче въ теремъ свой.

Какъ хорошо ей! На полянѣ,
Среди широкаго двора,
Воздушной паутины ткани
Блестять, какъ сѣтъ изъ серебра.
Просѣка узкая, какъ сѣни,
Уходитъ въ теремъ, а по ней
Лежить коверъ листьвы осенней
Среди кустарниковъ и пней.
Тамъ, въ потаенномъ чернолѣсьи,
Всегда затишье: частый боръ
Надъ нимъ темнѣетъ въ поднебесьи
И окружаетъ свѣтлый дворъ.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворѣ послѣдній мотылекъ
И, точно бѣлый лепестокъ,
На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ тепломъ...
Сегодня такъ свѣтло кругомъ,
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ синей вышинѣ,
Что можно въ этой тишинѣ
Разслышать листика шуршанье.
Лѣсъ, точно теремъ росписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Стоитъ надъ солнечной поляной,
Завороженный тишиной.

Заквохчетъ дроздъ, перелетая
Среди подлѣда, гдѣ густая
Листва янтарный отблескъ льетъ;
Играя въ небѣ промелькнетъ
Скворцовъ разсыпанная стая—
И снова все кругомъ замретъ...
Лѣсъ точно дремлетъ. А въ ворота,—
Среди двухъ высохшихъ осинъ,—
Глядятъ и синева долинъ,
И мелколѣсье, и болота,
И даль лиловыхъ деревень...
Какъ хорошо! Но жаль кого-то,
И грустно Осени весь день.

Порой задумчиво выходитъ
Она на солнце изъ воротъ
И бродитъ въ полѣ и не сводитъ
Очей съ желтѣющихъ болотъ.
Тамъ, по лощинамъ и полянамъ,
Густыхъ кустарниковъ бугры
Раскинулись широкимъ станомъ,
Какъ темно-красные шатры.
Тамъ путь на югъ... Съ нѣмой печалью
На край небесъ глядитъ она,
Гдѣ даль слилась съ небесной далью,

Мечтами тихими полна.
Онъ зовутъ, но нѣтъ названья
Мечтамъ далекимъ. Въ нихъ—любовь
И красота Воспоминанья,
Которымъ не воскреснуть вновь...
А день уходитъ. Небо ясно,
Прозрачный воздухъ сухъ и тихъ,
Лѣса алѣютъ... И безгласно
Уходитъ свѣтлый день отъ нихъ.

Онъ умираетъ, точно счастье...
Ужъ знаетъ Осень, что такой
Глубокій и нѣмой покой—
Предвѣстникъ долгаго ненастья.
Все строже въ даль она глядитъ,
Все рѣзче тайное страданье
Въ ея нѣмыхъ очахъ сквозить...
Какое вѣщее молчанье!
Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
И на зарѣ, когда съ заката
Пурпурный блескъ огня и злата
Пожаромъ теремъ освѣщаль.
Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло...
Луна восходить, а въ лѣсу
Ложатся тѣни на росу...

Вотъ стало холодно и бѣло
Среди полянъ, среди сквозной
Осенней чащи помертвѣлой,
И жутко Осени одной
Въ пустынной тишинѣ ночной!

Теперь ужъ тишина другая:
Прислушайся—она растетъ!
А съ нею, блѣдностью пугая,
И мѣсяцъ медленно встаетъ.
Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ—
И вотъ ужъ смотреть прямо въ очи
Съ туманной высоты небесъ.
О, мертвый сонъ осенней ночи!
О, жуткій часъ ночныхъ чудесъ!
Въ серебристомъ и сыромъ туманѣ
Свѣтло и пусто на полянѣ;
Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
Своей застывшей красотой
Какъ будто смерть себѣ пророчить.
Сова и та молчитъ: сидитъ
Да тупо изъ вѣтвей глядитъ...
Порою дико захохочетъ,
Сорвется съ шумомъ съ высоты,

Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядетъ на кусты
И смотреть круглыми глазами,
Вода ушастой головой
По сторонамъ, какъ въ изумлени...
А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣннѣ,
Наполненъ блѣдной, легкой мглой
И листьевъ сыростью гнилой;
Луна съ небесъ, какъ привидѣнье,
Глядитъ, застывши безъ движенья,
И жутко Осени одной
Въ полночной тишинѣ лѣсной!..

На утро блѣдной и больною
Она проснется. На дворѣ
Темно и хмуро. За стѣною
Бушуетъ боръ, какъ въ ноябрѣ.
Теперь ужъ долго не проглянетъ
На небѣ солнце. Дождь и мгла
Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманять...
Недаромъ эта ночь прошла!
Но Осень затаитъ глубоко
Все, что она пережила
Въ нѣмую ночь, и одиноко
Запретъ въ теремъ своемъ:

Пусть боръ бушуетъ подъ дождемъ!
Пусть мрачны и ненастны ночи,
И на полянѣ волчьи очи
Зеленымъ свѣтятся огнемъ!
Лѣсъ, точно теремъ безъ призора,
Весь потемнѣлъ и полинялъ,
Сентябрь, кружась по чашамъ бора,
Съ него мѣстами крышу снялъ,
А входъ сырой листвою усыпалъ;
Потомъ зазимокъ ночью выпалъ
И хоть растаялъ, но кругомъ
Уже повѣяло морозомъ...
Зачѣмъ же предаваться грезамъ,
Зачѣмъ и думать о быломъ?..

Трубить рога въ поляхъ далекихъ;
Звенить ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,
Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туринный,
Скликая на добычу псовъ,
И звучный гамъ ихъ голосовъ
Разносить бури шумъ пустынный.

Льетъ дождь, холодный, точно ледь,
Кружатся листья по полянамъ,
А ночью гуси караваномъ
Надъ лѣсомъ держать перелетъ...
Но дни идутъ. Свѣжѣетъ просинь
Студеныхъ далей. Ихъ просторъ
Живить и ободряетъ Осень...
Близка зима, стихаетъ борь...

И вотъ ужъ сизые туманы
Встаютъ на утренней зарѣ;
Сквозить въ туманѣ лѣсъ багряный,
Земля въ морозномъ серебрѣ.
И въ горностаевомъ шугаѣ,
Умывши блѣдное лицо,
Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,
Выходитъ Осень на крыльцо.
Дворъ пустъ и холоденъ. Въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Видна ей синева долины
И ширь пустынного болота,—
Дорога на далекий югъ...
Туда отъ зимнихъ буръ и вьюгъ,
Отъ бурной ледяной метели
Давно ужъ птицы улетѣли;

Туда и Осень по утру
Свой одинокій путь направить
И навсегда въ пустомъ бору
Раскрытый теремъ свой оставить...

Прости же, лѣсъ! Прости, печаль!
День будетъ теплый и хороший,
А за ночь мягкой порошей
Одѣнется и близъ, и даль.
Какъ будутъ странны въ этотъ бѣлый,
Пустынный и холодный день
И боръ, и теремъ опустѣлый,
И крыши тихихъ деревень,
И небеса, и безъ границы
Въ нихъ уходящія поля!
Какъ будутъ рады соболя,
И горностаи, и куницы,
Рѣзвясь и грѣясь на бѣгу
Въ сугробахъ мягкихъ на дугу!
А тамъ поднимутся метели,—
Ворвутся въ голую тайгу
Вѣтры изъ тундръ, ломая ели,
Гудя въ крутящемся снѣгу
И завывая въ полѣ звѣремъ...
Они разрушатъ старый теремъ,

Оставятъ колья и потомъ
На этомъ островѣ пустомъ
Повѣсятъ иней сквозные,
Воздвигнуть арки кружевные—
И будутъ въ небѣ голубомъ
Сіять чертоги ледяные
И хрусталемъ, и серебромъ.

А въ ночь, межъ бѣлыхъ ихъ разводовъ,
Взойдутъ огни небесныхъ сводовъ,
Заблещетъ звѣздный щитъ Стожаръ—
Въ готъ часъ, когда среди молчанья
Морозный свѣтитсѣ пожаръ,
Расцвѣтъ Полярнаго Сіанья!

РАЗСВѢТЪ.

Тихъ и чутокъ предразсвѣтный часъ,
Полны тайны утреннія зори!
На востокѣ, точно въ свѣтломъ морѣ,
Блескъ звѣзды играетъ, какъ алмазь.

Высоко поднялся и бѣлѣетъ
Полумѣсяцъ въ блѣдныхъ небесахъ.
Сумракъ ночи прячется въ лѣсахъ,
Изъ долинъ зеленыхъ утромъ вѣетъ.

Вѣетъ юной радостью съ полей,
Льется, какъ серебряное пѣнье,
Звонъ костела, слава воскресенья...
Разгорайся, новый день, свѣтлый!

Выйди въ небо, солнце, безъ ненастья,
Возродися въ блескъ и теплѣ,
Возвѣсти опять по всей землѣ,
Что вся жизнь—день радости и счастья!

Гроза прошла надъ лѣсомъ стороною,
Былъ теплый дождь, въ травѣ стоитъ вода...
Иду одинъ тропинкою лѣсною,
И въ синевѣ вечерней надо мною
Слезою свѣтлой искрится звѣзда.

Иду—и вспоминается мерцанье
Миѣ звѣздъ иныхъ... глубокий мракъ рѣсниць,
И ночь, и тучи жаркое дыханье,
И молодой грозы благоуханье,
И трепеть замирающихъ зарницъ...

Все пронеслось, какъ бурный вихрь весною,
И все въ душѣ я сохраню, любя...
Слезою свѣтлой блещетъ надо мною
Звѣзда весны за чащей кружевною...
Какая ночь! Какъ я люблю тебя!

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ поднимается,
Шумно по чащамъ идетъ,
Мертвые листья срываетъ и весело
Въ бѣшеную пляскѣ несетъ.

Только замретъ, припадетъ и послушаетъ,—
Снова взмахнетъ, а за нимъ
Лѣсъ загудитъ, затрепещетъ,—и сыплются
Листья дождемъ золотымъ.

Вѣть зиму, морозными вьюгами,
Тучи плывутъ въ небесахъ...
Пусть-же погибнетъ все мертвое, слабое
И возвратится во прахъ!

Зимнія вьюги — предтечи весенніе,
Зимнія вьюги должны
Похоронить подъ снѣгами холодными
Мертвыхъ къ приходу весны.

Въ темную осень земля укрывается
Желтой листвою, а подъ ней
Дремлетъ побѣговъ и травъ прозябаніе,
Сокъ животворныхъ корней.

Жизнь зарождается въ мракѣ таинственномъ...
Радость и гибель ея
Служать нетлѣнному и неизмѣнному —
Вѣчной красѣ Бытія!

СЪ КУРГАНА.

Дымится поле, разсвѣтъ бѣлѣетъ,
Въ степи туманной кричатъ орлы,
И дико звонокъ ихъ плачь голодный
Среди холодной плывущей мглы.

Въ росѣ ихъ крылья, въ росѣ бурьяны,
Благоухаютъ поля со сна...
Зарею сладокъ твой бодрый холодъ,
Твой томный голодъ,—твой зовъ, весна!

Ты побѣдила,—вся степь дымится,
Надъ степью властно кричатъ орлы,
И тучи жаркимъ горятъ пожаромъ,
И солнце шаромъ встаетъ изъ мглы!

ЛѢСНАЯ ДОРОГА.

Въ березовомъ лѣсу, гдѣ распѣвають птицы,
Гдѣ въ шелковой травѣ сквозь тѣнь лучи горять,
Темнѣютъ холмики,—могилъ забытыхъ рядъ,
А подъ березами, какъ юныя черницы,
Смирненно елочки зеленыя стоятъ.

Быль здѣсь когда-то скитъ, какъ говорятъ преданья,
И десять дѣвственницъ, отрекшись отъ земли,
Въ немъ приняли обѣтъ святаго созерцанья,
Держали строгій постъ и какъ цвѣты цвѣли
Подъ пѣнье Божьихъ птицъ и странниковъ сказанья.

Быль здѣсь дремучій боръ, въ народѣ говорятъ,
Быль долгій станъ татаръ, въ лѣсахъ кипѣли битвы;
Потомъ былъ этотъ край спокоенъ и богатъ,
И древній, скудный скитъ и подвиги молитвы
Забылись, точно сонъ, ужъ много лѣтъ назадъ.

Не мало было сновъ,—зачѣмъ намъ помнить ихъ?
И вотъ опять весна. Въ лѣсу все зеленѣетъ,
Лѣсъ сѣнокоса ждетъ, а небосклонъ синѣетъ
Межъ бѣлыхъ облаковъ, среди вершинъ лѣсныхъ,
И на глазахъ трава въ полдневномъ зноѣ млѣетъ.

Пройдетъ моя весна, и этотъ день пройдетъ,
Но весело бродить и знать, что все проходить,
Межъ тѣмъ какъ счастье жить во вѣки не умереть,
Покуда надъ землею заря зарю выводить
И молодая жизнь родится въ свой чередъ!

Бѣжить зеленый лѣсъ, поютъ и свищутъ птицы,
А вонъ и озеро, песчаный, бѣлый скать...
Пошелъ! И бубенцы играютъ и гремятъ,
Въ колесахъ, какъ лучи, блестя на солнцѣ спицы
И кружева тѣней по лошадямъ скользятъ...

ОТТЕПЕЛЬ.

Еще и холоденъ, и сыръ
Февральскій воздухъ, но надъ садомъ
Ужъ смотреть небо яснымъ взглядомъ
И молодѣть Божій міръ.

Прозрачно-блѣдный, какъ весной,
Слезится снѣгъ недавней стужи,
А съ неба на кусты и лужи
Ложится отблескъ голубой.

Не налюбуюсь, какъ сквозять
Деревья въ лонѣ небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Какъ снѣгири въ кустахъ звенять.

Нѣтъ, не пейзажъ влечетъ меня,
Не краски я стремлюсь подмѣтить,
А то, что въ этихъ краскахъ свѣтитъ,—
Любовь и радость бытія.

Она повсюду разлита, —
Въ лазури неба, въ птичьемъ пѣньи,
Въ снѣгахъ и вѣшнемъ дуновеньи, —
Она вездѣ, гдѣ красота.

И упиваясь красотой,
Лишь въ ней дыша полнѣй и шире,
Я знаю, — все живое въ мірѣ
Живетъ въ одной любви со мной.

ЖЕМЧУГЪ.

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный, чистый даръ морей!
Въ лонѣ океана, въ раковинѣ тѣсной,
Росъ онъ одиноко, какъ цвѣтокъ безвѣстный,
На обломкахъ мшистыхъ мертвыхъ кораблей.

Бурею весенней выброшенъ со дна,
Онъ лежалъ въ прибоѣ на побережьи дикомъ,
Гдѣ носились чайки надъ водою съ крикомъ,
Гдѣ его качала шумная волна...

Милъ мнѣ жемчугъ нѣжный на груди твоей!
Сладко упиваясь юной красотой,
Въ свѣтломъ Божьемъ мірѣ я брожу мечтою, —
Въ небѣ, въ блескѣ солнца, въ тишинѣ морей;

Съ перлами морскими подъ водой цвѣту,
Разсыпаюсь въ рифахъ влагой голубою —
И одно есть счастье: раздѣлить съ тобою,
Эту радость жизни, эту красоту!

Какъ флеромъ даль полей закрывъ на полчаса,
Прошелъ внезапный дождь косыми полосами —
И снова глубоко синѣютъ небеса
Надъ освѣженными лѣсами.

Тепло и влажный блескъ. Запахли медомъ ржи,
На солнцѣ бархатомъ пшеницы отливаютъ,
И въ зелени вѣтвей, въ березкахъ у межи,
Безпечно иволги болтаютъ.

И веселье звучный лѣсъ, и вѣтеръ межъ березъ
Ужъ вѣетъ ласково, а бѣлыя березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы.

НА ПРОСЕЛКЪ.

Вѣтъ утро прохладой степною...
Тишина, тишина на поляхъ!
Заросла павиликой-травю
Полевая дорога въ хлѣбахъ.

Въ муравѣ колеи утопаютъ,
А за ними, съ обѣихъ сторонъ,
Въ низыхъ ржахъ васильки зацвѣтаютъ,
Бирюзовый виднѣется лѣтъ,

Серебрится ячмень колосистый,
Зеленѣютъ привольно овсы,
И въ колосьяхъ алмазы росы
Вѣтерокъ зажигаетъ душистый,

И вливаетъ отраду онъ въ грудь,
И свѣваетъ съ души онъ тревоги...
Весель мирный проселочный путь,
Хороши вы, степныя дороги!

ИЗЪ СКАЗКИ.

Все лѣсъ и лѣсъ. А день темнѣтъ, —
Низы синѣютъ, и трава
Сѣдой росой въ лугахъ бѣлѣтъ...
Проснулась сѣрая сова.

На западъ сосны вереницей
Идутъ, какъ рать сторожевыхъ,
И солнце мутное Жаръ-Птицей
Горитъ въ ихъ дебряхъ вѣковыхъ.

* *
*

Къ побережью моря длинная аллея
Ведетъ вдали какъ будто въ небосклонъ:
Тамъ море подымается, синѣя
Межъ позабытыхъ мраморныхъ колоннъ.

Тамъ на прибой идутъ ступени стройно
И львы лежатъ, какъ сфинксы, надъ горой;
Далеко въ море важно и спокойно
Они глядятъ вечернею порой.

А на скамьѣ межъ ними одиноко
Сидитъ она... Нѣтъ имени для ней,
Но знаю я, что нѣжно и глубоко
Она съ душой сроднилася моей.

Быть можетъ, сонъ создалъ мои картины.
Но пусть! Мой сонъ—печаль моей любви;
Вселилъ ее я въ тихія руины
И мнѣ отрадны вымыслы мои.

Я ль не любилъ? Я ль не искалъ мятежно
Любви и счастья юность раздѣлить
Съ душою женской свѣтлою и нѣжной
И жизнь мою въ другую перелить?

Но та любовь, что душу посѣщала,
Оставила въ душѣ печальный слѣдъ, —
Она звала, она меня прельщала
Той радостью, которой въ жизни нѣтъ.

И отъ нея я взялъ воспоминанья
Лишь лучшихъ дней, и ужъ не ту люблю,
Кого любилъ... Люблю мечты созданья
И снова о несбыточномъ скорблю.

Вечерняя безмолвная аллея
Зоветъ меня къ скалистымъ берегамъ,
Гдѣ море подымается, синѣя,
Къ пустыннымъ и далекимъ небесамъ.

И горько я и сладостно тоскую,
И грезится мнѣ свѣтлая мечта,
Что воскреситъ мнѣ радость неземную
Печальная земная красота.

ПОДЪ ПАРУСОМЪ.

Высоко нашъ флагъ трепещеть,
Гордо вздулся парусъ полный,
Всталъ, огромный и косой;

А на встрѣчу зыбью плещеть,
И бѣгутъ—змѣются волны
Быстрой, гибкой полосой.

Изумрудъ горить, сверкая,
Въ ней, какъ въ раковинѣ тѣсной,
Мѣдью свѣтитъ на борту;

А кругомъ вода морская
Такъ тяжка и полноѣсна,
Точно ртутью налита:

Ходить зыбкими буграми,
Ходить мощно и упруго,
Высоко возносить челнъ,

И бѣгущими горами
Принимаютъ другъ отъ друга
Насъ, какъ въ люлькѣ, гребни волнъ.

Я лицо и грудь подставилъ
Вѣтру моря и съ налета
Вольный бѣгъ его ловлю,—

Я на вѣтеръ руль направилъ
И, какъ чайка, безъ отчета,
Безъ раздумья жизнь люблю!

СОЛОВЬИ.

То разрастаясь, то слабѣя,
Громъ за усадьбой грохоталъ,
Шумѣли тополи въ аллеѣ,
На стекла сумракъ набѣгалъ.
Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей.
Въ поляхъ хлѣба къ межамъ клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ—
Отвсюду съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Но вотъ по тополямъ и кленамъ
Холодный вихорь пролетѣлъ,—
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ,
Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткій грома

И тяжкій грохотъ... Все кругомъ
Затихло сразу и глубоко,
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ,—
И благодатно и широко
Весенній ливень зашумѣлъ.
На межи тихо наклонились
Хлѣба въ поляхъ... А изъ садовъ
Все также звучно доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Когда же, медленно слабѣя,
Дождь отшумѣлъ и замеръ громъ,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьемъ и тепломъ.
Наръ, неподвижный и пахучій,
Стоялъ въ хлѣбахъ. Спала земля.
Заря чуть теплилась подъ тучей
Полоской алаго огня.
А изъ лощинъ, гдѣ распускались
Во тьмѣ цвѣты, и изъ садовъ
Лились и въ чащахъ отдавались
Все ярче пѣсни соловьевъ.

ВЪ КОСТЕЛѢ.

Гаснеть день—и звонъ тяжелый
Въ небеса плыветь:
Съ башни стараго костела
Колоколь зоветъ.

А въ костелѣ—ожиданье:
Сумракъ, гулъ дверей,
Напряженное молчанье,
Тихій трескъ свѣчей.

Въ блескъ ихъ престолъ чернѣть,
Озаренъ темно;
Высоко надъ нимъ желтѣть
Узкое окно,

И надъ всѣмъ—Христа Распятье:
Въ діадемъ розъ,
Скорбно братскія объятія
Распростеръ Христосъ...

Тишина. И вотъ, незримо
Унося съ земли,
Звонко пѣсня серафима
Разлилась вдали.

Разлилась и отзвучала:
Заглушилъ, покрылъ
Громъ органнаго хора
Пѣнь Небесныхъ Силь,

И рыдаетъ, и изъ храма
Рвется къ небесамъ,
Въ зыбкихъ волнахъ епѣіама
Потрясая храмъ.

Вторить хоръ ему... Но, Боже!
Отчего и въ немъ
Та же скорбь и горе то же,—
Мука о земномъ?

Не во тьмѣ-ль вѣковъ остался
День, когда съ тоской
Человѣкъ, какъ рабъ, склонялся
Ницъ передъ Тобой,

И сіялъ зловѣщей славой
Предъ лицомъ людей
Въ блескъ молніи кровавой
Блескъ Твоихъ Очей?

Самъ пришелъ Ты въ міръ печали,
И слова Твои
Къ счастью, къ жизни призывали,
Къ свѣту и любви.

Для чего жъ звучить во храмѣ
Снова скорбный стонъ,
Снова дымными огнями
Ликъ Твой озаренъ?

И Тебѣ ли мгла куренья,
Холодъ темноты,
Запахъ воска, запахъ тлѣнья,
Мертвые цвѣты?

Дивенъ міръ Твой! Расцвѣтаетъ
Огъ, Тобой согрѣтъ,
Въ небесахъ Твоихъ сіяетъ
Солица вѣчный свѣтъ,

Гимнъ природы животворный
Льется къ небесамъ,
Въ ней Твой храмъ нерукотворный,
Твой великій храмъ!

И въ мірѣ, что въ насъ,
И въ мірѣ, что въ насъ,
И въ мірѣ, что въ насъ,
И въ мірѣ, что въ насъ,

И въ мірѣ, что въ насъ,
И въ мірѣ, что въ насъ,
И въ мірѣ, что въ насъ,
И въ мірѣ, что въ насъ,

И въ мірѣ, что въ насъ,
И въ мірѣ, что въ насъ,
И въ мірѣ, что въ насъ,
И въ мірѣ, что въ насъ,

ЭПИТАФИЯ.

СОНЕТЪ.

Я дѣвушкой невѣстой умерла.
Онъ говорилъ, что я была прекрасна,
Но о любви я лишь мечтала страстно,—
Я краткими надеждами жила.

Въ апрѣльскій день я отъ людей ушла,
Ушла на вѣкъ покорно и безгласно—
И все жъ была я въ жизни не напрасно:
Я для его любви не умерла.

Здѣсь, въ тишинѣ кладбищенской аллеи,
Гдѣ только вѣтеръ вѣетъ въ полуснѣ,
Все говорить о счастьѣ и веснѣ.

Сонетъ любви на старомъ мавзолеѣ
Звучитъ безсмертной грустью обо мнѣ,
А небеса синѣютъ сквозь аллеи.

СМЕРТЬ.

Спокойно на погостѣ подь луною...
Крестовъ объятъ, камни и сирень...
Но вотъ нашъ склепъ,—подъ мраморной стѣною,
Какъ темный призракъ, вытянулась тѣнь.

И жутко мнѣ. И мой двойникъ могильный
Какъ будто ждетъ чего-то при лунѣ...
Но я иду,—и тѣнь, какъ, рабъ безсильный,
Опять ползетъ, опять покорна мнѣ!

НА РАСПУТЫИ.

В. М. ВАСНЕЦОВУ.

На распутии въ дикомъ древнемъ полѣ
Черный воронъ на крестѣ сидитъ.
Заросла бурьяномъ степь на волѣ,
И въ травѣ заржавѣлъ старый щитъ.

На распутии люди начертали
Роковую надпись: „Путь прямой
Много бѣдъ готовить, и едва ли
Ты по немъ вернешься домой.

„Путь направо безъ коня оставить, —
Побредешь одинъ и сирѣ, и пагъ, —
А того, кто влѣво путь направить,
Встрѣтитъ смерть въ незнаемыхъ поляхъ“.

Жутко мнѣ! Вдали стоятъ могилы, —
Въ нихъ бывшее дремлетъ вѣчнымъ сномъ...
„Отзовися, воронъ чернокрылый!
Укажи мнѣ путь въ краю глухомъ.

„Я покинулъ островъ Царь-Дѣвицы,
Сине море, теремъ и сады,
Не ищу я по свѣту Жаръ-Птицы, —
Укажи мнѣ ключъ живой воды,

„Свѣтлый ключъ, который воскрешаетъ
Усыпленныхъ мертвою водою
И цвѣтами степи украшаетъ,
Призывая къ жизни молодой!“

Но молчить угрюмо воронъ вѣщий,
Неподвижно на крестѣ сидитъ
И угрюмо, зоркій и зловѣщій,
На меня и на коня глядитъ.

Дремлетъ полдень. На тронахъ звѣриныхъ
Тлѣютъ кости въ травахъ. Три пути
Вижу я въ желтѣющихъ равнинахъ...
Но куда и какъ по нимъ идти?

Гдѣ равнина дикая граничить?
Кто, пугая чуткаго коня,
Въ тишинѣ изъ синей дали кличетъ
Человѣчьимъ голосомъ меня?

И ужели нѣтъ пути иного,
Гдѣ бы могъ пройти я, не губя
Ни надеждъ, ни счастья, ни былого,
Ни коня, ни самого себя?

Вѣетъ поле тишиной великой.
Мертвецы въ могилахъ древнихъ спать.
Очарованъ красотою дикой,
Опускаю я покорно взглядъ.

Вижу я курганы въ тихомъ полѣ...
Много лѣтъ стоять они, и нѣтъ
Дѣла имъ до нашей бѣдной доли,
До мгновенныхъ радостей и бѣдъ!

И одинъ я въ полѣ, и отважно
Жизнь зоветь, а смерть въ глаза глядить...
Черный воронъ сумрачно и важно,
Полусонный, на крестѣ сидить.

В И Р Ь.

Гдѣ ельникъ сумрачный стоитъ
Въ лѣсу зубчатымъ темнымъ строемъ,
Гдѣ старый позабытый скитъ
Манитъ задумчивымъ покоемъ,

Есть птица Вирь. Ея уборъ
Весь сѣро-аспиднаго цвѣта,
Головка въ хохолѣ, а взоръ
Исполненъ скорбнаго привѣта.

Она такъ жалостно поетъ,
Съ такою нѣжностью глубокой,
Что если къ скиту забредеть
Случайно путникъ одинокій —

Онъ не покинетъ тѣ мѣста:
Лѣсъ молчаливый и унылый
И скорбной пѣсни красота
Полны неотразимой силы!

Вирь тихо плачетъ межъ вѣтвей,
Вирь состраданія не знаетъ,
И человѣкъ идетъ за ней
И дней печальныхъ не считаетъ.

Безмолвной жалостью къ себѣ,
Томленьемъ сладостнымъ объятий,
Покорный горестной судьбѣ,
Онъ помнить лишь одни закаты.

И вотъ, когда въ лѣсу пустомъ
Горитъ заря, а ельникъ черный
Стоитъ на фонѣ золотомъ
Стѣною траурно-узорной,

Съ какой отрадой ловить онъ
Все, что зарей еще печальнѣй!—
Вечерній колокольный звонъ,
Напѣвы женщинъ въ рощѣ дальней,

И гулъ сосны, и вѣтерка
Однообразный шелестъ въ чащѣ...
Невыразима ихъ тоска,
И нѣтъ ея больнѣй и слаще!

Когда же лѣсъ, одѣтый тьмой,
Сгустится въ ней, и тьма сольется
Съ его могильной бахромой,—
Вирь въ темнотѣ тревожно вьется,

Въ испугѣ бьется средь вѣтвей,
Тоскливо стонетъ и рыдаетъ,
И тѣмъ тоскливѣй, тѣмъ грустнѣй,
Чѣмъ человѣкъ больнѣй страдаетъ...

Въ старинной книгѣ прочитавъ
Я эту повѣсть. Вирь до нынѣ
Живетъ въ лѣсу, гдѣ скитъ стоялъ,
Гдѣ лѣсъ безмолвенъ, какъ въ пустынѣ.

Я вѣрю грустнымъ тѣмъ мѣстамъ,
Я вѣрю темному преданью...
Я посвящаю „Вирь“ мечтамъ
И одинокому страданью!

КОВЫЛЬ.

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?
Сл. о Пл. Иг.

I

Что шумить-звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣть ночь передъ зарею,
Смутно травы шепчутся сухія,—
Сладкій сонъ ихъ нарушаетъ вѣтеръ.
Опускаясь низко надъ полями
По курганамъ, по могиламъ соннымъ,
Нависаетъ въ темныхъ балкахъ сумракъ.
Блѣдный день надъ сумракомъ забрезжилъ,
И разсвѣтъ ненастный задымился...

Что шумить-звенить передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣть ночь передъ зарею,
Сѣрой мглой подернулись балки...
Или это ратный станъ бѣлѣть?
Или снова вѣетъ вольный вѣтеръ
Надъ глубоко спящими полками?
Не ковыль-ли, старый и сонливый,
Онъ качаетъ, клонить и качаетъ,
Вежи половецкія колышетъ
И бѣжить-звенить старинной былью?

II

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходитъ въ даль. Кругомъ все степь да степь..
Шумить трава дремотно и лѣниво,
Нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣпь
Среди хлѣбовъ загадочно синѣетъ,
Кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣетъ
Въ задумчивыхъ, тоскующихъ поляхъ,
Да тѣнь отъ тучъ кочующихъ темнѣетъ.

А путь бѣжить... Не тотъ ли это шляхъ,
Гдѣ Игоря обозы проходили
На сѣверъ Донъ? Не въ этихъ ли мѣстахъ,
Въ глухую ночь, въ яругахъ волки были,

А днемъ орлы на медленныхъ крылахъ,
Его въ степи безбрежной провожали
И клеткомъ псовъ на кости созывали,
Грозя ему великою бѣдой?
— Гей, отзовись, степной орель сѣдой!
Отвѣть мнѣ, вѣтеръ буйный и тоскливый!

...Безмолвна степь. Одинъ ковыль лѣнивый
Шуршитъ, склоняясь ровной чередой.

ПОСЛѢДНЯЯ ГРОЗА.

Не прохладой, не покоемъ,
А истомою и зноемъ
Ночь съ горячихъ пашень вѣетъ:
Хлѣбъ во мракѣ ночи зрѣетъ.

Обступаютъ осторожно
Небо тучи, и тревожно,
Точно жаръ и бредъ недуга,
Набѣгаетъ вѣтеръ съ юга.
Шелестя и торопливо
Волны вѣтра ловить нива,
Страстнымъ шепотомъ привѣта
Провожаетъ ихъ,—и мнитъ:
Ночь прощается тоскливо
Съ лаской пламеннаго лѣта,
Разметалась и томится...

Блескъ зарницъ ей точно снится,
Мракъ растетъ надъ ней кошмаромъ,

И когда всю степь пожаромъ
Красный сполохъ озаряетъ,—
Въ полѣ чей-то призракъ темный,
Величавый и огромный,
На мгновенье вырастаетъ,
Чьи-то очи ярко блещутъ,
Содрогаясь отъ усилья,
И раскинутыя крылья
За плечомъ его трепещутъ.

Какъ тотъ блескъ ее пугаетъ!
Точно въ страхѣ пробѣгаетъ
Знойный шелестъ по бурьяну...
Быть большому урагану!
Ужъ надъ этимъ смутнымъ шумомъ
Все слышнѣй, какъ за горою
Дальнѣй громъ ворчить порою,
Какъ въ величїи угрюмомъ,
Потрясая своды неба,
Онъ проходить тяжкимъ гуломъ
Надъ шумящимъ моремъ хлѣба...

Скоро бѣшеннымъ разгуломъ
Въ полѣ вѣтеръ понесется,
Скоро громъ смѣлѣе грянетъ,
Жуткимъ блескомъ даль зажжется,

Ночь испуганно воспринять,
Ночь порывисто очнется—
И обильными слезами
Вся тоска ея прольется!

А на утро надъ полями
Солнце грустно улыбнется,—
Озарить ихъ на прощанье,
И на нивы, на селенье
Ляжетъ кроткое смиренье
Тишины и увяданья.

КОСТЕРЪ.

Ворохъ листьевъ сухихъ все сильнѣй, веселѣй разгорается
И трещить, и пылаетъ костеръ.
Пышетъ пламя въ лицо; теплый дымъ на вѣтру развѣвается,
Затянулъ весь лѣсной косогоръ.
Лѣсъ гудить на горѣ, низко гнутся березы вѣтвистыя,
Межъ стволами качается тѣнь...
Блескомъ, шумомъ листы наполняютъ лѣса золотистые
Этотъ солнечный, вѣтреный день.
А въ долинѣ—затишье, свѣтло отъ орѣшника яркаго,
И по свѣтлой долинѣ лѣсной
Тянетъ гарью сухой отъ костра распаденнаго, жаркаго,
Развѣвается дымъ голубой.
Камни, заросли, рвы... Лучезарнымъ тепломъ очарованный,
Какъ во снѣ, я лежу у куста...
Странно желтой листвою озаренъ этотъ долъ заколдованный,
Эти лисья, глухія мѣста!
Вѣтеръ звуки песеть... Не собаки ль вдали заливаются?
Не рога ль мелодично звучать?..
А вершины шумять, а вершины скрипятъ и качаются,
Монотонно шумять и скрипятъ...

РАКЕТА.

Быль поздній часъ—и вдругъ надъ темнотою,
Высоко надъ успувшею землею,
Прорѣзавъ ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бѣшеной змѣей.

Стремительно порывъ ее вознесъ...
Но мигъ одинъ—и въ темное забвенье
Уже текутъ алмазы крупныхъ слезъ
И медленно ихъ тихое паденье.

А С Т Р Ы.

А. АСНЫКА.

Все поблекло... Только астры
Серебристыя остались,—
Подъ холоднымъ, синимъ небомъ
Замечались...

Грустно я встрѣчаю осень...
Ахъ, не такъ, какъ въ дни былые!
Также вянуть, блекнуть листья
Золотые,

Также мѣсячныя ночи
Вѣютъ кроткой тишиною,
И шумить въ аллеяхъ вѣтеръ
Надо мною;

Но ужъ нѣтъ въ душѣ печальной
Тѣхъ восторговъ, тѣхъ волненій,
Что, какъ солнце озаряли,
День осенній.

Въ гимнѣ ночи звуки счастья
Трепетали надъ землею,
Образъ чистый и прекрасный
Быть со мною...

Помню милый, блѣдный обликъ,
Локонъ нѣжный и волнистый,
Въ черныхъ косахъ—вѣнчикъ астры
Серебристый...

Помню очи... Вижу снова
Эти ласковыя очи...
Все воскресло въ лунномъ блескѣ,—
Въ блескѣ ночи!

Въ пустынной вышинѣ,
Въ открытомъ океанѣ небосклона
Востокъ сіяетъ ясной бирюзой.
Въ степной дали
Погасло солнце холодно и чисто,
Свѣжъ, звонокъ воздухъ надъ землей,
И тишина царить,—
Молчаніе осенняго заката
И обнаженныхъ, черныхъ тополей...
Какъ хороши пустынные аллеи!

Иду на югъ,
Смотрю туда, гдѣ я любилъ когда-то,
Гдѣ грусть моя далекая живетъ...
А тамъ встаютъ,
Тамъ медленно плывутъ и утопаютъ
Въ глубокомъ океанѣ небосклона,

Какъ снѣговья горы, облака...
Какъ холодны и чисты изваянья
Ихъ дѣвственныхъ алѣющихъ вершинъ!
Какъ хороши безлюдныя равнины!

Багряная листва,
Покрытая морозною росой,
Шуршитъ въ аллеѣ подъ моей ногой...
Вотъ меркнетъ даль,
Темнѣетъ садъ, краснѣе западъ рдѣетъ,
Въ холодной и безмолвной красотѣ
Все застываетъ, медленно мертвѣя,
И вѣетъ холодъ ночи на меня,
И я стою, безмолвіемъ объятый...
Какъ хороша, какъ одинока жизнь!

Не видно птицъ. Безмолвно чахнетъ
Лѣсъ, опустѣвшій и больной.
Грибы сошли, но крѣпко пахнетъ
Въ оврагахъ сыростью грибной.

Глушь стала ниже и свѣтлѣе,
Въ кустахъ—свалялася трава
И, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя,
Чернѣетъ мокрая листва.

И далеко въ лѣсу багряномъ
Кустарникъ виденъ по горѣ
И лугъ, синѣющій туманомъ
На ранней утренней зарѣ...

А въ полѣ—вѣтеръ. День холодный
Угрюмъ, но свѣжъ,—и цѣлый день
Скитаюсь я въ степи свободной,
Вдали отъ селъ и деревень.

Тѣснятся тучи небосводомъ,
Синѣетъ рѣзко даль подъ нимъ,
И бодро конь идетъ по всходамъ,
По взметамъ вязкимъ и сырымъ.

И, убаюканъ шагомъ коннымъ,
Съ отрадной грустью внемлю я,
Какъ вѣтеръ звономъ монотоннымъ
Гудитъ-поетъ въ дуло ружья.

ВЪ ОТЪЪЗЖЕМЪ ПОЛѢ.

В. Я. БРЮСОВУ.

Сумракъ ночи къ западу уходитъ,
Сѣрой мглой надъ черной пашней бродить,
По бурьянамъ стелется къ землѣ;
Звѣзды стали тусклы и далеки,
Небеса—туманны и глубоки,
Но востокъ ужъ виденъ въ полумглѣ.

Лошади продрогли. Сѣверъ дышитъ
Вѣтромъ ночи и полынь колышетъ...
Вотъ и утро!—Въ колеяхъ дорогъ
Грязь чернѣетъ, лужи заалѣли...
Томно псы голодные запѣли...
Встань, труби въ холодный, звонкій рогъ!

Старыхъ предковъ я настѣдѣ чую,
Звѣремъ въ полѣ осенью ночую,
На зарѣ добычи жду... Скудна
Жизнь моя, разцвѣтшая въ неволѣ,
И хочу я слѣпо въ дикомъ полѣ
Силу страсти вычерпать до дна!

РОДИНА.

Подъ небомъ мертвенно-свинцовымъ
Угрюмо меркнетъ зимній день,
И нѣтъ конца лѣсамъ сосновымъ,
И далеко до деревень.

Одинъ туманъ молочно-синій,
Какъ чья-то кроткая печаль,
Надъ этой снѣжною пустыней
Смягчаетъ сумрачную даль.

Вьется путь въ снѣгахъ, въ степи широкой.
Вотъ—луга и надъ оврагомъ мостъ,
Подъ горой—поселокъ одинокій,
На горѣ—заброшенный погостъ.

Ни души въ поселкѣ; не краснѣютъ
Изъ-подъ крышъ вечерніе огни;
Слѣдо срубы въ сумеркахъ чернѣютъ...
Знаю я,—покинуты они.

Пахнетъ въ нихъ холодною золою,
Въ печку провалилася труба,
И давно ужъ смотреть нежилую,
Мертвой и холодною изба.

Подъ застрѣхи вѣтеръ жесткій дуетъ,
Сыплеть снѣгомъ... Только онъ одинъ
О тебѣ, родимый край, тоскуетъ
Посреди пустыхъ твоихъ равнинъ!

Мы спѣшимъ, мы ищемъ лучшей доли,
Мы хотимъ, чтобъ это было сномъ—
И погостъ, и вѣшки въ бѣломъ полѣ,
И пустыня въ сумракѣ почномъ.

Путь бѣжитъ, въ степи метель играетъ,
Хмуρο сходить долгой ночи тѣнь...
О, пускай скорѣе умираетъ
Этотъ жуткій, этотъ тусклый день!

Скачетъ пристыжная, снѣгомъ обдаеть...
Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Въ полуснѣ волнуясь, по-полю бѣжить,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожить.

Эй, проснися, вѣтеръ! Подыми пургу,
Задымись метелью бѣлою въ лугу,
Загуди поземкой, закружись въ степи,
Крикни вмѣсто пѣсни: „Постыдись, не спи!“

Безотраденъ путь мой! Каждый Божій день —
Глушь лѣсовъ да холодъ-голодь деревень...
Стыдно мнѣ и больно... Только стыдъ-то мой
Слишкомъ скоро гаснетъ въ тишинѣ нѣмой!

Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Усыпляетъ пѣсней, воли не даетъ,
Путь заноситъ снѣгомъ, по-полю бѣжить,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожить...

НОЧНАЯ ВЬЮГА.

К. Д. БАЛЬМОНТУ.

Когда на темный городъ сходить
Въ глухую ночь глубокий сонъ,
Когда метель, кружась, заводитъ
На колокольняхъ перезвонъ,—

Какъ жутко сердце замираетъ!
Какъ заунывно въ этотъ часъ
Сквозь вопли бури долетаетъ
Колоколовъ невнятный гласъ!

Звучить онъ скорбью погребальной,
И снится мнѣ: ужъ не взойдетъ
Изъ тьмы холодной и печальной
Ни новый день, ни новый годъ.

Міръ опустѣлъ... Земля остыла...
А вьюга трупы замела
И вѣтромъ звѣзды загасила,
И бьетъ во тѣмѣ въ колокола.

И на пустынномъ, на великомъ
Погостѣ жизни міровой
Кружится смерть въ веселыи дикомъ
И развѣваетъ саванъ свой!

З В Ъ З Д Ы.

Ночь и даль сѣдая,
Въ инеѣ лѣса.
Звѣздами мерцающа,
Свѣтятъ небеса.

Звѣздный свѣтъ бѣлѣетъ,
И земля окрестъ
Стынетъ-цѣпенѣетъ
Въ млечномъ свѣтѣ звѣздъ.

Тихо, какъ въ пустынѣ...
Четко за горой
На рѣкѣ въ долину
Треснетъ ледъ порой...

Метеоръ зажжется,
Озаряя снѣгъ...
Шорохъ пронесется —
Звѣря легкій бѣгъ...

И опять — молчанье...
Въ блѣдной мглѣ равнинъ,
Затаивъ дыханье,
Я стою одинъ,

И обнятый чуткой
Страницою дремой,
Жду чего-то въ яуткой
Тишинѣ нѣмой.

ВЪ ФЕВРАЛѢ.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

Свѣжѣютъ съ каждымъ днемъ и молодѣютъ сосны
Чернѣтъ лѣсъ, синѣтъ мягко даль.
Сдается, наконецъ, сырымъ вѣтрамъ февраль,
И потемнѣлъ въ лощинахъ снѣгъ наносный.

На гумнахъ и въ саду по-зимнему покой
Царить въ затишѣ дѣдовскихъ строеній,
Но что-то тянетъ въ залъ, холодный и пустой,
Гдѣ пахнетъ сыростью весенней.

Сквозь стекла потныя заклеенныхъ дверей
Гляжу я на балконъ, гдѣ снѣгъ еще наваленъ,
И голый, мокрый садъ теперь мнѣ не печаленъ,—
На гнѣзда въ сучьяхъ липъ опять я жду грачей.

Жду, какъ въ тюрьмѣ, давно желанной воли,
Тумановъ мартовскихъ, чернѣющихъ бугровъ,
И свѣта, и тепла отъ бѣлыхъ облаковъ,
И первыхъ жаворонковъ въ полѣ!

ВЕСЕННЕЕ.

Таетъ снѣгъ — и солнце ярко
Блещетъ въ полдень надъ полями;
Въ блескъ солнца влажный вѣтеръ
По лѣсамъ-полямъ гуляетъ.

Но поля еще пустыни,
Но лѣса еще безмолвны;
Только сосны, точно арфы,
Напѣваютъ монотонно.

И подъ ихъ напѣвъ неясный
Въ заповѣдныхъ чащахъ бора
Сладко спитъ весна-царевна
Въ бѣлоснѣжномъ саркофагѣ.

Вѣтерокъ ее ласкаетъ,
Пригрѣваетъ полдень яркій,
Но, блѣдна и неподвижна,
Спитъ царевна въ сладкихъ грезахъ.

Спитъ, — а скоро ужъ въ долинахъ
Солнце бѣлый снѣгъ растопитъ,
И пойдутъ бурлять потоки
По долинамъ и оврагамъ.

Налетятъ лѣсныя птицы,
Запумятъ грачи, а съ ними
Зацвѣтутъ, зазеленѣютъ, —
Оживутъ лѣса и рощи.

И придетъ апрѣль-красавецъ
Изъ заморскихъ странъ далекихъ
На зарѣ, когда въ долинахъ
Тають синіе туманы,

На зарѣ, когда отъ солнца
Пахнетъ лѣсъ зеленой хвоей,
Пахнетъ теплою землею
И апрѣльскими цвѣтами,

И склонится онъ съ улыбкой
Надъ царевною безмолвной
И прильнетъ къ устамъ царевны
Крѣпко жаркими устами,

И она въ испугѣ вздрогнетъ,
Разомкнетъ свои рѣсницы,
Глянетъ, вспыхнетъ — и улыбкой
Озаритъ весь міръ влюбленный!

* * *

Бушуетъ полная вода, —
Шумитъ и глухо, и протяжно.
Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело, и важно.

Дымятся черные бугры,
И утромъ въ воздухѣ нагрѣтомъ
Густые бѣлые пары
Напоены тепломъ и свѣтомъ.

А въ полдень лужи подъ окномъ
Такъ разливаются и блещутъ,
Что яркимъ солнечнымъ пятномъ
По залу „зайчики“ трепещутъ.

Межъ круглыхъ рыхлыхъ облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишѣ гумень и дворовъ.

Весна, весна! И все ей радо;
Какъ въ забытѣи какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талихъ крышъ.

Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
А вѣтеръ,¹ мягкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

ВЪ ГЕОСИМАНСКОМЪ САДУ.

И въ этотъ часъ, гласитъ преданье,
Когда, сомнѣнїемъ томимъ,
Изнемогалъ Онъ отъ страданья,
Все преклонилось передъ Нимъ.

Затихла ночь въ благоговѣннѣ,
И слышалъ Онъ: „Моихъ вѣтвей
Колючій тернъ—вѣнцомъ мученья
Возложить на главѣ Твоей;

„Но тернъ короною зеленой
Чело святое обовѣтъ,—
Въ міръ подъ страдальческой короной,
Какъ Царь царей, Господь войдетъ!“

И кипарисъ, надъ Нимъ шумящій,
Ему шепталъ во тьмѣ ночной:
„Благословенъ Господь скорбящій,—
Великъ и славенъ подвигъ Твой!“

„Я вознесу надъ всей вселенной
Мой тяжкій крестъ, и на крестъ
Весь міръ узритъ Тебя, Смиренный,
Въ неизрѣченной красотѣ!“

Но снова Онъ въ тоскѣ склонялся,
Но снова Онъ скорбѣлъ душой,
И вѣтеръ ласковой струей
Его чела въ тиши касался:

„О, подними Свой грустный взоръ!
Въ часъ скорби, въ темный часъ страданья
Прохлады свѣжее дыханье
Я принесу съ долинъ и горъ,—

„И нѣжной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
Я отъ востока до заката
Твои глаголы возвѣщу!“

ТРИ НОЧИ.

Старый садъ всю ночь гудѣлъ угрюмо,
Дождь шумѣлъ и, словно капли слезъ,
Падалъ онъ въ холодный снѣгъ на землю
Съ голыхъ сучьевъ стонущихъ березъ.

По лѣснымъ трущобамъ и оврагамъ,
По полямъ, пустыннымъ и глухимъ,
Первые весенніе туманы
Расползались медленно, какъ дымъ.

И лѣса сѣдой одѣлись мглою,
На озерахъ поднялися льды,
И долины грозно потемнѣли
Отъ свинцовой мартовской воды...

А другая ночь—все побѣдила:
Вѣтеръ снесъ сырой туманъ съ полей,
Загорѣлись звѣзды, и въ долинахъ
Зашумѣли воды веселѣй.

До зари кричали хлопотливо
Въ ближней рощѣ черные грачи,
Старый садъ и тихую усадьбу
Оглашали столами сычи.

И темнѣй ночное было небо, —
Издалека въ темнотѣ ночной
Вѣяло весеннимъ ароматомъ,
Вѣяло грядущю весной...

И недолги были ожиданья:
За день вся природа ожила!
Вечеръ былъ задумчивъ и прекрасенъ
И заря, какъ лѣтняя, тепла.

А когда померкъ закатъ далекій,
Вспомнилась мнѣ молодость моя,
И окно открылъ я, и забылся,
Въ сердце грусть и радость затая.

Понялъ я, что юной жизни тайна
Въ міръ пришла подъ кровомъ темноты,
Что весна вернулась—и незримо
Вырастаютъ первые цвѣты.

Христосъ воскресь!—Опять съ зарею
Рѣдѣть долгой ночи тѣнь.
Опять зажегся надъ землею
Для новой жизни новый день!

Еще чернѣютъ чащи бора;
Еще въ тѣни его сырой,
Какъ зеркала, стоятъ озера
И дышать свѣжестью ночной;

Еще въ синѣющихъ долинахъ
Плывутъ туманы... Но смотри:
Уже горять на горныхъ льдинахъ
Лучи огнистые зари!

Они въ выси пока сіяютъ,
Недостижимой, какъ мечта,
Гдѣ голоса земли смолкаютъ
И непорочна красота.

Но съ каждымъ часомъ приближаясь
Изъ-за алѣющихъ вершинъ,
Они заблещутъ, разгораясь,
И въ тьму лѣсовъ, и въ глубь долинъ;

Они взойдутъ въ красѣ желанной
И возвѣстятъ съ высотъ небесъ,
Что день насталъ обѣтованный,
Что Богъ воистину воскресъ!

Когда вдоль карабля, качаясь, вьется пѣна
И небо межъ снастей синѣетъ въ вышинѣ,
Люблю твой блѣдный ликъ, печальная Силена,
Твой безнадежный взоръ, сопутствующій мнѣ.
Люблю подъ шорохъ волнъ рыбацкіе напѣвы
И свѣжесть отъ воды—ночные вздохи волнъ,
И созданный мечтой, манящій образъ дѣвы,
И мой безцѣльный путь, мой одинокій челнъ.

Догорѣлъ апрѣльскій свѣтлый вечеръ,
По лугамъ холодный сумракъ легъ.
Спать грачи; далекій шумъ потока
Въ темнотѣ таинственно заглохъ.

Но свѣжѣе пахнетъ зелеными
Молодой озябшій черноземъ
И струится чище надъ полями
Звѣздный свѣтъ въ молчаніи ночномъ.

По лощинамъ, звѣзды отражая,
Ямы свѣтятъ тихою водой,
Журавли, другъ друга окликаая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А Весна въ зазеленѣвшей рошѣ
Ждетъ зари, дыханья затая,—
Чутко внемлетъ пороку деревьевъ,
Зорко смотреть въ темныя поля.

Прошли дожди, апрѣль теплѣетъ.
Всю ночь—туманъ, а по утру
Весенній воздухъ точно млѣетъ
И мягкой дымкою синѣетъ
Въ далекихъ просѣкахъ въ бору.

И тихо дремлетъ боръ зеленый,
И въ серебрѣ лѣсныхъ озеръ—
Еще стройнѣй его колонны,
Еще свѣжѣе сосенъ кроны
И нѣжныхъ лиственницъ узоръ!

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Снится мнѣ приволье тихихъ деревень,
Въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза,
Озимь да пашни—и апрѣльскій день.
Весело синѣетъ утреннее небо,
Легкой бѣлой зыбью облака плывутъ,
Важно грачъ гуляетъ за сохой на пашнѣ,
Паръ блеститъ надъ пашней... А кругомъ поютъ
Жаворонки въ ясной вышинѣ воздушной
И на землю съ неба звонко трели льютъ.

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Дѣвушкой-невѣстой снится мнѣ Весна:
Очи голубые, личико худое,
Стройный станъ высокій, русая коса.
Весело ей въ полѣ теплымъ яснымъ утромъ!
Милъ ей край родимый,—степь и тишина,

Милъ ей бѣдный сѣверъ, мирный трудъ крестьянскій,
И съ привѣтомъ смотреть на поля она:
На устахъ улыбка, а въ очахъ раздумье—
Юности и счастья первая весна!

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Грезится мнѣ юность, какъ далекій сонъ,—
Свѣтлый сонъ, въ которомъ снилось мнѣ счастье,
Утро дней весеннихъ, ясный небосклонъ.
Но проходятъ годы, и мечты блѣднѣютъ...
Счастье обмануло молодость мою...
Пусть оно порою мнѣ смущаетъ душу,
Пусть я дни бывшие, какъ мечты, люблю,—
Я бывлымъ надеждамъ мой привѣтъ прощальный
Съ горькою улыбкой и съ тоскою нелю!

В Ъ М А Ъ.

Все темнѣй и кудрявѣй березовый лѣсъ зеленѣеть;
Колокольчики ландышей въ чащѣ зеленой цвѣтутъ:
На разсвѣтъ въ долинахъ тепломъ и черемухой вѣетъ,
Соловья до разсвѣта поютъ.

Скоро Троицынъ день, скоро пѣсни, вѣйки и покосы...
Все цвѣтеть и поетъ, молодая надежда тая...
О, весеннія зори и теплыя майскія росы!
О, далекая юность моя!

* * *

Зной,—но ясно лазурное небо глядится
По весеннему въ свѣтлыя воды рѣки,
На лугахъ заливныхъ тонкій паръ золотится,
И рыбалки блестятъ, и кричатъ кулики.

Лѣсъ зеленый кругомъ—молодой и росистый,
А въ лѣсу—тишина; и среди тишины—
Только голосъ кукушки... Вѣщунъ голосистый!
Отзовись, доживу ли до новой весны?

И приду ли опять въ этотъ лѣсъ, напоенный
Ароматомъ весеннимъ и блескомъ лучей,
Буду ль снова считать въ чащѣ темно-зеленой,
Сколько свѣтлыхъ еще мнѣ осталось дней?

Буду ль снова внимать тебѣ съ грустью глубокой
Съ тайной грустью въ душѣ, что проходятъ года,
Что весь міръ я люблю, но люблю одиноко,—
Одиноко вездѣ и всегда?

НОВОЛУНІЕ.

Народился мѣсяцъ золотой,
Робко онъ весенними зарями
Свѣтитъ надъ зеркальною водою,
По садамъ сіяя межъ вѣтвями.

Не угасъ еще вдали закатъ,
И листва сквозить узоромъ четкимъ,
А подъ ней ужъ серебрится садъ
Свѣтомъ и таинственнымъ, и кроткимъ.

Тихій прудъ среди кудрявыхъ вербъ
Озарился, блестками играя...
Но настала ночь—и луный серпъ
Угасаетъ, точно умирая.

Завтра онъ зарею выйдетъ вновь
И опять напомнитъ, одинокій,
Мнѣ весну и первую любовь
И твой образъ, милый и далекій...

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лугомъ облако—и вдругъ
На взгорье радуга упала,
И засверкало все вокругъ.

Стеклянный, рѣдкій и ядреный
Съ веселымъ шорохомъ спѣша,
Промчался дождь, и лѣсъ зеленый
Затихъ, прохладною дыша.

Вотъ день! Ужъ это не впервые:
Прольется—и уйдетъ изъ глазъ...
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!

Едва лишь добѣжимъ до чащи—
Все стихнетъ... О, росистый кустъ!
О взоръ, счастливый и блестящій,
И холодокъ покорныхъ устъ!

Звѣзды ночью весенней нѣжныѣ,
Соловьи осторожныи поютъ...
Я люблю эти темныя ночи,
Эти звѣзды, и клены, и прудъ.

Ты, какъ звѣзды, чиста и прекрасна...
Радость жизни во всемъ я ловлю —
Въ звѣздномъ небѣ, въ цвѣтахъ, въ ароматахъ...
Но тебя я нѣжныѣ люблю.

Лишь съ тобою я счастливъ, какъ въ дѣтствѣ,
И тебя не замѣнить ничто:
Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь — за что!

НА ПРУДѢ.

Яснымъ утромъ на тихомъ прудѣ
Рѣзво ласточки рѣютъ кругомъ,
Опускаются къ самой водѣ,
Чуть касаются влаги крыломъ.

На лету онѣ звонко поютъ,
А вокругъ зеленѣютъ луга,
И стоитъ, словно зеркало, прудъ,
Отражая свои берега.

И, какъ въ зеркалѣ, меягъ тростниковъ,
Съ береговъ опрокинулся лѣсъ,
И уходитъ узоръ облаковъ
Въ глубину отраженныхъ небесъ.

Облака тамъ нѣжныи и бѣлыи,
Глубина — безконечно свѣтла...
И доносится мѣрно съ полей
Надъ водой тихій звонъ изъ села.

* * *

Когда деревья въ свѣтлый майскій день
Дорожки осыпаютъ бѣлымъ цвѣтомъ,
И вѣтерокъ въ аллеѣ, полной свѣтомъ,
Струить листвы узорчатую тѣнь,
Я свой привѣтъ изъ тихихъ деревень
Шлю дѣвушкамъ и юношамъ-поэтамъ:
Пусть встрѣтитъ жизнь ихъ ласковымъ привѣтомъ,
Пусть будетъ свѣтелъ ихъ весенній день,
Пусть ихъ мечты развѣетъ бѣлымъ цвѣтомъ!

Мнѣ хорошо, мнѣ грустно и легко
Тогда мечтать про молодость былую,
Мнѣ радостно, что я еще тоскую
О томъ, что невозвратно-далеко.
Свой первый май невесело и бѣдно
И встрѣтилъ я и на-вѣкъ проводить,
Но я любилъ, надѣялся, грустилъ —
И не прошла весна моя безслѣдно.
Я не забылъ ея святой привѣтъ,
Я зналъ ея несбыточные грезы,
Я до сихъ поръ сквозь радостныя слезы
Гляжу на ихъ недолгій, нѣжный цвѣтъ!

Лѣсъ шумить невятнымъ ровнымъ шумомъ...
Лепетъ листьевъ клонить въ сонъ и лѣнь...
Пѣтухи въ далекой караулкѣ
Распѣваютъ про весенній день.

Лѣсъ шумить веселымъ, тихимъ шумомъ...
Хорошо и беззаботно мнѣ
На травѣ, среди березъ зеленыхъ,
Въ тихой и безвѣстной сторонѣ!

Такъ привыкъ я къ горю и заботамъ,
Что мнѣ страненъ этотъ ясный день,
Точно долженъ упрекнуть себя я
И за эту радость, и за лѣнь.

Но укоръ въ улыбкѣ замираетъ...
Лѣсъ шумить, дрожитъ узоръ тѣней...
Убѣгаетъ свѣтлый лепетъ листьевъ,
Тихій лепетъ свѣтлыхъ дѣтскихъ дней!

РОДНИКЪ.

Въ тайгѣ, въ глуши ея зеленой,
Всегда тѣсистой и сырой,
Въ крутомъ оврагѣ подь горой
Бьетъ изъ камней родникъ студеный:

Кинитъ, играетъ и спѣшитъ,
Крутясь хрустальными клубами,
И подь вѣтвистыми дубами
Стекломъ расплавленнымъ бѣжитъ.

А небеса и лѣсъ нагорный
Глядятъ, задумавшись въ тиши,
Какъ въ свѣтлой влагѣ голыши
Дрожать мозаикой узорной.

Вдали еще гремитъ, но тучи ужъ свалились,
Какъ горы дымныя, идуть онѣ на югъ.
Опять лазурь ясна, опять весна вокругъ,
И яркимъ солнцемъ чащи озарились.

Изъ-за лѣсныхъ вершинъ далекой церкви шпиль
Горячимъ золотомъ трепещетъ и сверкаетъ,
Звенятъ въ низахъ ручьи и льется пѣнье птицъ,
А на полянахъ снова припекаетъ.

Густѣетъ облаковъ волнистое руно;
Они сдвигаются, спускаются все ниже—
И вотъ ужъ солнца нѣтъ: опять въ лѣсу темно,
Дождь зашумѣлъ—и все слышнѣй и ближе.

Нахохлясь птицы спать и тихо лѣсъ стоитъ
И точно чувствуетъ, счастливый и покорный,
Какъ много свѣжести и силы благотворной
Весенняя гроза въ себѣ таитъ.

Снова сонъ, плѣнительный и сладкій,
Снится мнѣ и радостью пьянить,—
Милый взоръ зоветъ меня украдкой
Ласковой улыбкою манить.

Знаю я,—опять меня обманетъ
Этотъ сонъ при первомъ блескѣ дня,
Но пока печальный день настанетъ,
Улыбнись мнѣ—обмани меня!

Какъ свѣтла, какъ нарядна весна!..
Погляди мнѣ въ глаза, какъ бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты такъ ласкова стала?

Но молчишь ты, слаба, какъ цвѣтокъ...
О, молчи!—Мнѣ не надо признанья:
Я узналъ эту ласку прощанья,—
Я опять одинокъ!

Л И Л И И.

А. АСНЫКА.

Золотыя кудри въ косы
Панночка плететь:
Заплетаючи, въ раздумьи
Пѣсенку поеть:

Темной ночью бѣлыхъ лилій
Сонъ неясный тихъ.
Вѣтерокъ ночной прохладой
Обвѣваетъ ихъ.

Ночь ихъ чашечки закрыла,
Ночь хранить цвѣты
Въ одѣяніи невинной,
Чистой красоты,

И сказала: спите, спите
Въ этотъ тихій часъ!
День настанетъ—солнца пламень
Сгубить, сгубить васъ!

Дня не ждите,—безконеченъ
Знойный день, а сонъ,
Счастья сонъ недолговѣченъ
И умчится онъ.

Но, таинственно впивая
Холодокъ ночной,
Къ солнцу тянутся, къ востоку
Лилии съ тоской,

Ждутъ, чтобъ солнце алымъ блескомъ
И тепломъ своимъ
Нѣжно бѣлые бокалы
Растворило имъ.

И напрасно ночь лепѣтъ
Каждый лепестокъ —
Грезить дѣвушка о миломъ,
Солнца ждетъ цвѣтокъ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

МОТИВЪ СЕНКЕВИЧА.

*Небеса проповедаютъ славу Божию, и
о сплассъ руки Его высятся твердь. День
дню передаетъ рече, и ночь ночи открыва-
етъ знамя. Пс. 18.*

Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ почной, за лѣса и моря.
Въ темныхъ лѣсахъ заснишли туманы,
Въ морѣ горитъ золотая заря.

День угасаетъ. Дневныя заботы
Съ тихой зарей забываетъ земля.
Пахарь усталый вернулся съ работы,
Въ теплой росѣ засыпають поля.

Вотъ потянулись птицъ караваны...
— Какъ необъятны зарей небеса!
Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ почной, за моря и лѣса...

Темнѣетъ храмъ лѣсовъ. И кроткій, и веселый,
Вечерній льется свѣтъ въ лѣсную глубину.
Дремотно-ласково жужжать на солнцѣ пчелы,
Кончая мирный день и отходя ко сну.

Клубится мошекъ рой. Задумчиво заводять
Свой жалобный концертъ лѣсные комары...
Но гаснетъ, гаснетъ свѣтъ... Изъ листьевъ и коры
Ночныя бабочки угрюмыя выходятъ...

Стихаетъ дятловъ стукъ... Съ заката потянуль
Неясный вѣтерокъ... Закатъ еще краснѣетъ,
Но меркнетъ блескъ его—и храмъ лѣсовъ темнѣетъ,
И подымается чуть слышный, смутный гулъ.

То рать отцовъ-дубовъ заводитъ разговоры,
То на вечерній гимнъ скликаются лѣса...
И вотъ оконченъ день: въ торжественные хоры
Сливаются лѣсные голоса.

„Сестры, возрадуйтесь! День благодатный,
Тихій и теплый, Господь даровалъ.
Славой Господней огонь предзакатный,
Славой небесною западъ пылать.

„Звѣздную ночь намъ Творецъ посылаетъ,
Темной землѣ Онъ огни засвѣтилъ;
Сонъ безмятежный на насъ наступаетъ...
Дивны велѣнія Господа Силь!“

Мгновенье вдумчиво молчать во мракѣ сосны,
Мгновенье — и звучить согласно по лѣсамъ:
„Господь, Господь! Какъ ладонь росный,
Благоухаетъ нашъ бальзамъ.

„И ароматъ любвеобильный
Мы изливаемъ въ теплой мглѣ
Тебѣ, Господь! Тебѣ, Всесильный
На небесахъ и на землѣ!“

Тихой пѣсней имъ вторять березы вѣтвистыя:
„Отче нашъ! При сияньи озеръ,
Зори свѣтлыя, зори огнистыя
Золотятъ нашъ зеленый уборъ.

„И подъ ласкою вѣтра цѣлебной
Наши тонкія вѣтви шумятъ,
И Тебѣ онѣ арфой хвалебной,
Нашей радостной пѣсней звучать!“

И кончаютъ грустною мольбою
Пихты темныя, ушедшія во мглу:
„Сестры! Братья! Радуйтесь покоемъ
И творите Господу хвалу!

„Истомилъ насъ день тяжелымъ зноемъ,
Но темнѣютъ тихо небеса,
Вѣтъ ночь прохладой и покоемъ,
Падаетъ вечерняя роса!“

И смолкаетъ весь міръ, забывается сномъ благодатнымъ.
Гаснутъ вспышки зарницъ. А изъ влажнаго мрака лѣсовъ,
Замирая, звучитъ отъ земли къ небесамъ необъятнымъ
Отдаленный хоралъ голосовъ.

И въ предвѣчныя сферы незримо летятъ пѣснопѣнья,
Улетаютъ отъ міра, все дальше плывутъ отъ него,
Высоко-высоко, гдѣ ужъ нѣтъ никакого творенья,
Гдѣ ужъ нѣтъ ничего, ничего! —

Только темныя бездны, лазурныя бездны струятся,
Млечный путь, какъ рѣка, въ безконечныя дали ушелъ,
Только звѣзды и звѣзды серебряной пылью роятся,
А надъ звѣздами — Божій престолъ.

*

Отдохни, — еще утро не скоро,
Ночь изъ тихихъ лѣсовъ не ушла.
Подъ навѣсами соннаго бора —
Предразсвѣтная тѣплая мгла.
Еще раннія птицы не пѣли;
Чуть сѣрѣютъ вверхъ небеса,
Влажно-зелены темныя ели,
Пахнетъ лѣтнею хвоей роса...

И пускай не свѣтаетъ подольше!
Этотъ медленный путь по лѣсамъ,
Эта ночь — не воротится больше,
Но легко предъ разлукою намъ.

Любимъ мы предъ разлукой нѣжиѣ,
И теперь на душѣ у меня
Нѣтъ тоски: никогда мы дружиѣ
Не встрѣчали и лучшаго дня!

Колокольчикъ въ молчаніи бора
То замретъ, то опять запоетъ...
Тихо ночь по долинамъ идетъ...
Отдохни, — еще утро не скоро.

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Все шире вольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами;
И хутора, и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.

Давно за ними потонулъ
Нашъ городокъ на горныхъ склонахъ,
Давно подъ этотъ мѣрный гулъ
Несемся мы въ степяхъ зеленыхъ.

Вотъ подъ горою скитъ святой
Въ бору бѣлѣетъ за лугами...
Вотъ мостъ желѣзный надъ рѣкой
Промчался съ грохотомъ подъ нами...

А вотъ и лѣсъ! — И гуль идетъ
Подъ стукъ колесъ въ лѣсу зеленомъ;
Березъ веселыхъ хороводъ,
Шумя, встрѣчаетъ насъ поклономъ.

Отъ паровоза бѣлый дымъ,
Какъ хлопья ваты, расплзаясь,
Плыветъ, цѣпляется по нимъ,
Къ землѣ безпомощно склоняясь,

И въ лѣсъ манить онъ за собой,
Гдѣ солнце въ просѣкѣ сверкаетъ,
Гдѣ въ чащѣ, темной и густой,
Душистый ландышъ расцвѣтаетъ.

Но ужъ опять кусты пошми,
Опять деревьевъ строй рѣдѣтъ
И безконечная въ дали
Степь развернулася и синѣтъ,

Опять привольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами,
И хутора и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.

Ночь идетъ — и темнѣтъ
Блѣдносиній востокъ...
Отъ одежды ея вѣтъ
По полямъ вѣтерокъ.

День былъ дологъ и зноенъ...
Ночь идетъ и поетъ
Колыбельную пѣсню
И къ покою зоветъ.

Грустенъ взоръ ея темный,
Одинокъ ея путь...
Спи-усни, мое сердце!
Отдохни... Позабудь...

Въ темнѣющихъ поляхъ, какъ въ безграничномъ морѣ,
Померкъ и потонулъ зари печальный свѣтъ —
И мягко мракъ ночной плыветъ въ степномъ просторѣ
Нѣмой зарѣ во слѣдъ.

Изъ зрѣющихъ хлѣбовъ, какъ теплое дыханье,
Порою вѣтерокъ касается чела.
Но спать уже хлѣба... Царить кругомъ молчанье,
Молчать перепела.

Лишь суслики во ржи скликаются свистками
Иль по межѣ тушканъ, таинственно, какъ духъ,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадаетъ вдругъ...

НА УЩЕРБѢ.

Серпъ луны подъ тучкой длинной
Льетъ полночный слабый свѣтъ.
Надъ безмолвною долиной
Дремлетъ церкви силуэтъ.

Серпъ луны за тучкой таетъ, —
Проплывая, гаснетъ онъ.
Съ колокольни долетаетъ,
Замирая, сонный звонъ.

Серпъ луны въ просвѣты тучи
Съ грустью тихою глядитъ,
Подъ вѣтвями ивъ плакучихъ
Тускло воду золотитъ,

И въ рѣкѣ, среди глубокой
Предразсвѣтной тишины,
Замираетъ одинокій
Золотой двойникъ луны.

НА ДНѢПРОУ.

За мирнымъ Днѣпромъ, за горами
Заря догорала свѣтло,
И тепелъ былъ воздухъ вечерній,
И ясно рѣчное стекло.

Вечернее алое небо
Глядѣлось въ зеркальный затонъ,
И тихо подъ лодкой качался
Въ бездонной рѣкѣ небосклонъ...

Далекое, мирное счастье!
Не знаю, кого я любилъ,
Чей образъ, и нѣжный, и милый,
Такъ долго я въ сердцѣ хранилъ.

Но сердце груститъ и до нынѣ...
И помню тебя я, какъ сонъ,—
И близкой, и странно далекой,
Какъ въ свѣтлой рѣкѣ небосклонъ...

ПО ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРѢ.

Засинѣли, темнѣютъ равнины...
Далеко, далеко въ тишинѣ
Колокольчикъ поетъ, замирая...
Мнѣ грустнѣй и больнѣе вдвойнѣ.

Вотъ ужъ звукъ его плачетъ чуть слышно,
Вотъ и пыль надъ просторомъ нѣмымъ,
По широкой пустынной дорогѣ,
Опускаясь, темнѣетъ, какъ дымъ...

Но душа еще ждетъ и тоскуетъ...
О, зачѣмъ ты и ночью, и днемъ
Вспоминаешься мнѣ такъ призывно?
Отчего ты вездѣ и во всемъ?

Вослѣдъ зарѣ, уходящей къ закату,
Умиравшимъ звукамъ вослѣдъ
Посылаю тебѣ мою душу,—
Мой печальный и нѣжный привѣтъ!

Нынче ночью кто-то долго пѣлъ.
Далеко скитаясь въ темномъ полѣ,
Голосъ грустной удалью звенѣлъ,
Пѣлъ о прошломъ счастьѣ и о волѣ.

Я открылъ окно и сѣлъ на немъ.
Ты спала... Я долго слушалъ жадно...
Съ поля пахло рожью и дождемъ,
Ночь была безмолвна и прохладна.

Что въ душѣ тотъ голосъ пробудить,
Я не знаю. Но душа грустила,
И тебя такъ нѣжно я любилъ,
Какъ меня когда-то ты любила.

И хотѣлось мнѣ простить тебѣ
Все, что въ сердцѣ я скрывалъ глубоко,
Покориться горестной судьбѣ
И уйти—навѣкъ и одиноко,

Выплакать страданія свои
И, скитаясь ночью въ темномъ полѣ,
Пѣть о прошломъ счастьѣ и о волѣ,
О своей загубленной любви!

Могилы, вѣтряки, дороги и курганы—
Все смерклось, отошло и скрылося изъ глазъ.
За дальней ихъ чертой погасъ закатъ румяный,
Но точно ждетъ чего вечерній тихій часъ.

И вотъ идетъ она, Степная Ночь, съ востока,—
За нею синій мракъ надъ нивами встаетъ,—
На меркнуцій закатъ, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлѣбовъ идетъ.

И медлить на межахъ, и слушаетъ молчанье;
Глядитъ на слѣдъ зари, гдѣ въ призрачной дали
Еще мерещутся колосьевъ очертанья
И слабо брезжить свѣтъ надъ сумракомъ земли.

И полонъ взоръ ея, загадочно-унылый,
Великой кротости и думы вѣковой
О томъ, что вѣдаютъ лишь темныя могилы,
Степь молчаливая, да звѣздъ узоръ живой.

Ночь печальна, какъ мечты мои,
Далеко въ глухой степи широкой
Огонекъ мерцаетъ одинокій...
Въ сердцѣ много грусти и любви.

Но кому и какъ расскажешь ты,
Что зоветъ тебя, чѣмъ сердце полно?
—Путь далекъ, глухая степь безмолвна...
Ночь печальна, какъ мои мечты.

* *
* *

Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею,
Надъ кровлями безмолвнаго села.
Отчетливѣй кричатъ передъ зарею
Далеко на степи перепела.

Далеко на степи... Какъ сладко пахнеть ржами
Тамъ въ этотъ ранній часъ! Какъ чутко ржи стоятъ!
Склонясь надъ заповѣдными межами,
Онѣ степныя тайны сторожатъ.

Нѣтъ ни души кругомъ—ни звука, ни тревоги...
Спать безмятежнымъ сномъ зеленые овсы...
Нахохлясь, кобчикъ спитъ на кочкѣ у дороги,
Покрытый пылью матовой росы...

Но ужъ свѣтлѣетъ даль. Зелено-серебристый,
Неуловимый свѣтъ восходитъ надъ землей,
И бѣлый паръ луговъ, холодный и душистый,
Какъ еиміамъ, плыветъ передъ зарей.

Еще отъ дома на дворѣ
Синѣютъ утреннія тѣни,
И подъ навѣсами строеній
Трава въ холодномъ серебрѣ;
Но ужъ сіяетъ яркій зной,
Давно топоръ стучить въ сараѣ,
И голубей веселыхъ стаи
Сверкаютъ снѣжной бѣлизной.

Съ зари кукушка за рѣкою
Кукуетъ звучно вдалекѣ,
Среди луговъ, въ березнякѣ,
Гдѣ вѣетъ горечью лѣсною.
На солнцѣ свѣтлая рѣка
Трепещетъ радостно, смѣется,
И гулко въ роцѣ отдается
Надъ нею ладный стукъ валька.

А за деревнею, гдѣ межи
Въ поля привольныя бѣгутъ,
Гдѣ хуторки бѣлѣютъ рѣже,—
Ржи серебристыя цвѣтутъ,
Въ лазури жаворонки рѣютъ,
Поютъ про степь наперебой,
И, какъ миражъ, курганы мрѣютъ
Въ дали воздушно-голубой.

УЧАНЬ-СУ.

Свѣжѣе вѣтъ воздухъ горный,
Невнятный шумъ идетъ въ лѣсу:
Поетъ веселый и проворный,
Со скалъ летящій Учанъ-Су!
Глядишь—и точно застывая,
Но въ тоже время ропотъ свой,
Свой легкій бѣгъ не прерывая,
Прозрачной пылью снѣговой
Несется внизъ струя живая,—
Какъ тонкій флеръ, сквозитъ огнемъ,
Скользитъ со скалъ фатой вѣячальной
И, вдругъ и пѣной, и дождемъ
Свергался въ черный водоемъ,
Бушуетъ влагою хрустальной...
А горы въ синей вышинѣ!
А южный боръ и сосенъ шепотъ!
—Подъ этомъ шумъ и влажный ропотъ
Стоишь какъ въ свѣтломъ полуснѣ!

ИЗЪ Л. де-ЛЮЛЯ.

Солнца дискъ золотой, уходя изъ лазурной пустыни,
Погружается медленно въ тихое лоно зыбей
И, прощаясь съ землей, сыплеть розовымъ блескомъ лучей,
Въ гребняхъ горъ золотить, зажигаетъ сверкающій иней.

Грустно вѣтеръ вздыхаетъ и вѣетъ съ далекихъ высотъ,
Стелетъ длинныя тѣни въ оврагахъ и влажныхъ долинахъ,
Тамаринды колышетъ, и въ темныхъ, угрюмыхъ вершинахъ,
Гдѣ гиѣздились птицы, и сонъ, и покой настаетъ.

И дыханье земли, какъ священныхъ кадилъницъ дыханье,
Средь кофейныхъ деревьевъ и въ чащѣ густныхъ тростниковъ
Разливаясь, сливается съ свѣжимъ дыханьемъ лѣсовъ,
Съ ароматомъ плантацій въ глубокомъ вечернемъ молчаньи...

Вотъ звѣзда задрожала жемчужной своей бѣлизной,
Въ синемъ мракѣ nocturno, какъ живая, горитъ величаво—
И пылаютъ въ волнахъ, ослѣпленныхъ небесною славой,
Мириады свѣтилъ, мириады огней надъ землей!

И душа, забываясь въ молчаніи ночи всеильной,
Созерцая и миръ, и величье ея красоты,
Познавая тщету и надежды, и пылкой мечты,
Въ вѣчный сонъ погружается,—въ саванъ могильный.

З Н О Й.

А. М. ФЕДОРОВУ.

Горячо сухой песокъ сверкаетъ,
Сушить зной на камняхъ невода.
Въ морѣ—штиль, и ласково плескаетъ
На песокъ хрустальная вода.

Чайка въ свѣтломъ воздухѣ блеснула...
Тѣнь ея спустилась надо мной—
И въ сіяньи солнца потонула...
Клонить въ сонъ и ослѣпляетъ зной...

И лежу я, упоенный зноемъ.
Снится садъ мнѣ и прохладный гротъ;
Кипарисы неподвижнымъ строемъ
Стерегутъ тамъ звонкій водометъ.

Старый мраморъ подъ вѣтвями тиссовъ
Молодыми розами увить,
И горить заливъ межъ кипарисовъ,
Точно синимъ пламенемъ налить.

А кругомъ—истома сладострастья...
И подъ шумъ фонтановъ запахъ розъ
Мучить душу красотою счастья,
Красотою сонно-знойныхъ грезъ.

ЗАКАТЪ.

Корабли въ багряномъ заревѣ заката
Въ океанъ выходятъ—и на небесахъ
Вырастаютъ мачты стройнаго фрегата
Въ черныхъ парусахъ.

Медленно плыветъ онъ въ заревѣ далекомъ
И другой выводитъ въ лоно темныхъ водъ...
Скажешь: это снялся въ траурѣ глубокомъ
Погребальный флотъ.

НА ДАЛЬНЕМЪ СѢВЕРѢ.

Такъ небо низко и уныло,
Такъ сумрачно вдали,
Какъ будто время здѣсь застыло,
Какъ будто край земли.

Густое чахлое болѣе
Стоитъ среди болотъ,
А тамъ—угрюмо въ поднебесье
Уходитъ сумракъ водъ.

Ужъ ночь настала, но свинцовый
Дневной не меркнетъ свѣтъ.
Нѣмая тишь въ глуши сосновой,
Ни звука въ морѣ нѣтъ.

И звѣзды тускло, недвижимо
Горятъ надъ головой,
Какъ будто ихъ зажегъ незримо
Самъ ангелъ гробовой.

И сонъ на мертвый край изгнанья
Идетъ, и нѣмъ, и тихъ...
О, темный бредъ воспоминанья!
О, грустно-странный стихъ!

Зову тебя: скажи счастливымъ,
Что гдѣ-то скорбь парить,
Скажи всѣмъ празднымъ, суетливымъ,
Что гдѣ-то все молчитъ!—

Затѣмъ, что всѣ они повинны
За горечь нашихъ бѣдъ:
За сны, утраты и кручины
И темныхъ пѣсень бредъ!

СУМЕРКИ.

Все точно въ полуснѣ. Надъ сѣрою водой
Сползаютъ съ горъ туманъ, холодный и густой,
Подъ нимъ гудитъ прибой, зловѣще разрастаясь,
А темныхъ голыхъ скалъ прибрежная стѣна,
Въ дымящійся туманъ погружена,
Лѣниво курится, во мглѣ небесъ теряясь.

Суровъ и дикъ ея могучій видъ!
Подъ шумъ и гулъ морской, она въ дыму стоитъ,
Какъ неугасшій жертвенникъ титановъ,
И Ночь, спускаясь съ горъ, вступаетъ точно въ храмъ,
Гдѣ мрачный хоръ поетъ въ сѣдыхъ клубахъ тумановъ
Торжественный хоралъ невѣдомымъ богамъ.

Зеленоватый свѣтъ пустынной лунной ночи,
Далеко подъ горой—морской пустынный блескъ...
Я слышу на горахъ осенній вѣтеръ въ соснахъ
И подъ обрывомъ скалъ—невнятный шумъ и плескъ.

Порою блескъ воды, какъ мѣдный щитъ, свѣтлѣетъ,
Порой тусклѣетъ онъ и зыбью взоръ томить...
Находятъ облака... Осенній вѣтеръ вѣетъ
Соленой свѣжестью—и все кругомъ шумить.

И въ шорохъ глухомъ и гулѣ горныхъ сосенъ
Я чувствую тоску ихъ безнадежныхъ думъ,
А въ шумномъ плескѣ волнъ—лишь холодъ лунной ночи
Да мертвый плескъ и шумъ.

* * *

Отчего ты печально, вечернее небо?
Оттого-ли, что жаль мнѣ земли,
Что туманно синѣетъ безбрежное море
И скрывается солнце вдали?

Отчего ты прекрасно, вечернее небо?
Оттого-ль, что далеко земля,
Что съ прощальною грустью закатъ угасаетъ
На косыхъ парусахъ корабля,

И шумять тихимъ шумомъ вечернія волны
И баяютъ пѣсней своей
Одинокое сердце и грустныя думы
Въ безпредѣльномъ просторѣ морей?

ВЪ ЗАЛИВЪ.

На мертвый якорь кинули баканъ,
И вотъ, среди кипящаго залива,
Онъ прыгаетъ и мечется тоскливо,
И звонъ его несется сквозь туманъ.

Сливаясь въ долгій и молящій стонъ,
Подъ шумъ морской и вѣтра завыванье,
Звучить онъ, какъ далекое рыданье,—
Призывный вопль и матерей и женъ.

Но бурный мракъ сгущается въ дали,
Подходить ночь,—и по волнамъ тяжелымъ
Ныряютъ и качаются за моломъ
Лишь старые, пустые корабли.

И мачты ихъ средь темной высоты
Чертятъ туманъ все шире и быстрѣе,
И плаваютъ среди тумана реи,
Какъ черные могильные кресты.

Долгожь быть во мракѣ ночи
Нашъ невѣрный трудный путь!
Напрягались тщетно очи
Разглядѣть хоть что-нибудь...
Только гнулаась и скрипѣла
Тяжко мачта, да шумѣло
Море черное, и челнъ
Уносило и качало,
И съ разбѣгу осыпало
Ледяною пылью волнъ...

Но рѣдѣетъ мракъ холодный:
Отдѣлились небеса
Отъ сѣдой пучины водной
И сѣрѣютъ паруса;
Надъ свалившеюся тучей,
Какъ надъ черной горной кручей,
Звѣзды блещутъ серебромъ;
Надъ кормой огонь сигнальный

Искрой блѣдной и печальной
Догораеть... А кругомъ, —

Изъ морской дали туманной, —
Блѣднымъ сумракомъ одѣтъ,
Ужъ сквозить разсвѣтъ багряный,
Дышитъ холодомъ разсвѣтъ!
Дышитъ вѣтеръ жизнью новой,
Убѣгаетъ мракъ суровый,
День все ближе — и гляди:
Вмѣстѣ съ солнцемъ восходящимъ
Пѣна золотомъ кипящимъ
Загорѣлась впереди!

И все ярче межъ волнами,
Въ брызгахъ огненно-живыхъ,
Въ переливахъ голубыхъ,
Золотое блещетъ пламя,
И все ярче надъ волной
Непорочной красотой
Бирюза небесъ сіяетъ;
И, качая быстрый челнъ,
Свѣтлой влагой, пылью волнъ
Море весело кидаетъ!

СѢВЕРНОЕ МОРЕ.

С О Н Е Т Ъ.

Холодный вѣтеръ, рѣзкій и упорный,
Кидаетъ насъ, и тяжело грести;
Но не могу я взоромъ отвести
Отъ бурныхъ волнъ, отъ ихъ пучины черной.

Онѣ кипятъ, бушуютъ и гудятъ,
Въ ухабахъ ихъ, межъ зыбкими горами,
Качаютъ чайки острыми крылами
И съ волнами надъ бездною скользятъ.

И вѣтеръ вторитъ дикимъ завываньемъ
Ихъ жалобнымъ, по радостнымъ стенамъ,
Потяжелѣе выбираетъ валь,

Напрягши грудь, на немъ взмываетъ пѣну
И бьетъ его о каменную стѣну
Прибрежныхъ мрачныхъ скалъ.

Поздній часъ. Корабль и тихъ, и темень,
Слабо плещутъ волны за кормой.
Звѣздный свѣтъ да океанъ зеркальный —
Царство этой ночи неземной.

Въ царствѣ безграничнаго молчанья, —
Въ тишинѣ глубокой, — сторожатъ
Часъ полночный звѣзды надъ морями
И въ моряхъ таинственно дрожатъ.

Южный Крестъ, загадочный и кроткій,
Въ душу льетъ свой нѣжный свѣтъ ночной —
И душа исполнена предвѣчной
Красоты и правды неземной.

ПЛЕЯДЫ.

Стемнѣю. Вдоль аллей, надъ сонными прудами,
Бреду я наугадъ.
Осенней свѣжестью, листвою и плодами
Благоухаетъ садъ.

Давно онъ порѣдѣлъ, — и звѣздное сіянье
Бѣлѣетъ межъ вѣтвей.
Иду я медленно, — и мертвое молчанье
Царитъ во тьмѣ аллей.

Вотъ пѣсня донеслась печально издалека...
Вотъ гдѣ-то возъ скрипитъ...
И снова тишина... Спокойно и глубоко
Пустынный хуторъ спитъ.

И звонокъ каждый шагъ среди ночной прохлады,
И царственнымъ гербомъ
Горятъ холодныя алмазныя Плеяды
Въ безмолвіи полночь.

* *

И вотъ опять ужъ по зарямъ,
Въ выси, холодной и привольной,
Станицы птицъ летятъ къ морямъ,
Чернѣя цѣпью треугольной.

Ясна заря, открыта степь,
Закатъ алѣетъ, разгораясь...
И тихо въ небѣ эта цѣпь
Плыветъ, размѣренно качаясь.

Какая даль и вышина!
Глядишь — и бездной голубою
Небесъ осеннихъ глубина
Какъ будто таетъ надъ тобою.

И обнимаетъ эта даль, —
Душа отдаться ей готова,
И новыхъ, свѣтлыхъ думъ печаль
Освобождаетъ отъ земного.

И новыхъ чувствъ томящій сонъ
Влечетъ въ просторъ полей холодныхъ,
Въ родной, далекий небосклонъ,
За караваномъ птицъ свободныхъ...

О, сердце! Слышишь ли ихъ крикъ?
Куда онъ звалъ? Зачѣмъ глубокой
Тоскою въ душу мнѣ проникъ
И потонулъ въ степи широкой?

Отвѣта нѣтъ... Заря ясна,
Свѣтло и ярко западъ рдѣетъ,
Синѣетъ неба глубина,
Вечерній воздухъ холодѣетъ...

Д О М А.

...И снилося мнѣ, что осенней порой
Въ ненастную ночь я вернулся домой.
По темной дорогѣ прошелъ я одинъ
Къ знакомой усадьбѣ, къ родному селу...
Трещали обмерзшіе сучья лозинъ
Отъ бурнаго вѣтра на старомъ валу...
Деревня спала... И со страхомъ, какъ воръ,
Вошелъ я въ широкій запущенный дворъ.

И сжалось сердце отъ боли во мнѣ,
Когда я кругомъ поглядѣлъ при огнѣ!
Нависъ потолокъ, обвалились углы,
Повсюду скрипять подъ ногами полы
И пахнетъ печами... Заброшенъ, забытъ,
Навѣки забытъ онъ, родимый нашъ домъ!
Зачѣмъ же я здѣсь? Что осталось въ немъ,
И если осталось — о чемъ говорить?

И снилося мнѣ, что всю ночь я ходилъ,
По саду, гдѣ вѣтеръ кружился и вилъ,
Искалъ я отцомъ посаженную ель,
Тѣхъ комнатъ искалъ, гдѣ собиралась семья,
Гдѣ мама качала мою колыбель
И съ нѣжною грустью ласкала меня, —
Съ безумной тоскою кого-то я звалъ,
И садъ обнаженный гудѣлъ и стонать...

НА ХУТОРѢ.

Свѣчи нагорѣли, долгій зимній вечеръ...
Сѣлъ ты на лежанку, поднялъ тихій взглядъ —
И звучить гитара удалю нечальной
Пѣснѣ беззаботной, старой пѣснѣ въ ладъ.

„Гдѣ ты закатилось, счастье золотое?
„Кто тебя развѣялъ по чистымъ полямъ?
„Не взойти надъ степью солнышку съ заката,
„Нѣтъ пути-дороги къ невозвратнымъ днямъ!“

Свѣчи нагорѣли, долготъ зимній вечеръ...
Брови ты приподнялъ, грустенъ тихій взглядъ...
Не развѣять думы пѣсней беззаботной!
Счастья прожитого не вернуть назадъ!

Ночь поблѣднѣла и мѣсяцъ садится
За рѣку краснымъ серпомъ.
Сонный туманъ на лугахъ серебрится,
Черный камышъ отсырѣлъ и дымится,
Вѣтеръ шуршитъ камышомъ.

Ночь поблѣднѣла, въ часовнѣ лампада
Меркнетъ, устало горя.
Въ трепетный сумракъ озябшаго сада
Льется со степи волнами прохлада...
Медленно рдѣетъ заря.

Открыты живья золотья,
И свѣтлой кажутся мечтой
Просторъ небесъ, поля пустыя
И день, прохладный и пустой.

Орель, съ дозорнаго кургана
Взмахнувшій въ этой пустотѣ,
Какъ надъ равниной океана
Весь четко виденъ въ высотѣ.

И на курганѣ одинокомъ
Сдержавъ горячаго коня,
Степь отъ заката до востока
Въ прозрачной дали вижу я.

Какъ низко, вольно и просторно
Степныхъ атакъ раскинуть кругъ!
И какъ легко фатой узорной
Плывутъ два облачка на югъ!

Глубокъ земли покой безстрастный,
Пустая даль свѣтла, какъ сонъ,
А надо всѣмъ — стеклянно-ясный,
Зеленоватый небосклонъ.

Таинственно шумить лѣсная тишина,
Незримо по лѣсамъ поетъ и бродить Осень...
Темнѣетъ день за днемъ, — и вотъ опять слышна
Тоскующая пѣснь подъ звонъ угрюмыхъ сосенъ.

„Пусть по вѣтру летитъ и кружится листва,
Пусть замететъ она печальный слѣдъ былого!
Надежда, грусть, любовь — вы, старыя слова,
Какъ блеклая листва, не расцвѣтете снова!“

Угрюмо боръ гудить, несутся листья въ даль...
Но въ шумномъ ропотѣ и пѣснѣ безнадежной
Я слышу жалобу: въ ней тихая печаль,
Укоръ былой веснѣ, — и ласковый, и нѣжный.

И далеко еще безмолвная зима...
Душа готова вновь волненьямъ предаваться,
И сладко ей грустить и грустью упиваться,
Не внемля голосу угрюмаго ума.

ВЪ СТЕПИ.

Н. Д. ТЕЛЕШОВУ.

Вчера въ степи я слышалъ отдаленный
Крикъ журавлей. И дико, и легко
Онъ прозвенѣлъ надъ тихими полями
Веселою и гордою свободой...
Путь добрый! Имъ не жаль насъ покидать:
И новая цвѣтушая природа,
И новая весна ихъ ожидаетъ
За синими, за теплыми морями,
А къ намъ идетъ угрюмая зима:
Засохла степь, лѣсъ глохнетъ и желтѣетъ,
Осенній вѣтеръ, тучи нагоняя,
Открылъ въ кустахъ звѣриныя лазы,
Листвой засыпалъ доли и овраги,
И по ночамъ въ ихъ черной темнотѣ,
Подъ шумъ деревьевъ, свѣчками мерцають,
Таинственно блуждая, волчьи очи...

Да, край родной не радуешь теперь!
И все-таки, кочующія птицы,
Не пробуждаетъ зависти во мнѣ
Вашъ звонкій крикъ, и гордый, и свободный.
Въ былые дни и я былъ вольной птицей,
И мнѣ, какъ вамъ, былъ тѣсенъ край родной,
И вѣчная весна меня манила...
Я счастливъ былъ... Зачѣмъ же это счастье
Прошло такъ скоро? Отчего мнѣ жаль
Васъ, гордая, кочующія птицы?

Здѣсь грустно. Ждемъ мы сумрачной поры,
Когда въ степи сѣдой туманъ ночуетъ,
Когда во мглѣ разсвѣтъ едва бѣлѣетъ
И лишь бугры чернѣютъ сквозь туманъ.
Но я люблю, кочующія птицы,
Родныя степи. Бѣдныя селенья —
Моя отчизна; я вернулся къ ней,
Усталый отъ скитаній одинокихъ,
И понялъ красоту въ ея печали
И счастье — въ печальной красотѣ...

Бываютъ дни: повѣетъ теплымъ вѣтромъ,
Проглянетъ солнце, ярко озаряя
И лѣсъ, и степь, и старую усадьбу,
Пригрѣетъ листья влажные въ лѣсу,

Глядишь — и все опять повеселѣло!
Какъ хорошо, кочующія птицы,
Тогда у насъ! Какъ весело и грустно
Въ пустомъ лѣсу межъ черными вѣтвями,
Межъ золотыми листьями березъ
Синѣетъ наше ласковое небо!

Я въ эти дни люблю бродить, вдыхая
Осикиковъ поблекшихъ ароматъ
И слушая дроздовъ веселыхъ крики,
Люблю уйти одинъ на дальній хуторъ,
Смотрѣть, какъ озимь мягко зеленѣетъ,
Какъ бархатомъ блестятъ на солнцѣ пашни,
А вдалекѣ, на жнивьяхъ золотыхъ,
Стоитъ туманъ, прозрачный и лазурный.

Моя весна тогда зоветъ меня, —
Мечты любви и юности далекой,
Когда я васъ, кочующія птицы,
Съ такою грустью къ югу провожалъ!
Мнѣ вспоминается бывшее счастье,
Былые дни... Но мнѣ не жаль былого:
Я не грущу, какъ прежде, о быломъ, —
Оно живетъ въ моемъ безмолвномъ сердцѣ,
А мнѣ вездѣ исполненъ красоты.
Мнѣ въ немъ теперь все дорого и близко:

И блескъ волны за синими морями,
И сѣверныя скудныя поля,
И даже то, что ужъ совсѣмъ не можетъ
Васъ утѣшать, кочующія птицы, —
Покорность грустной участи своей!

МЕТЕЛЬ.

Ночью въ поляхъ, подъ напѣвы метели,
Дремлютъ, качаясь, березки и ели...
Мѣсяцъ межъ тучекъ надъ полемъ сіяетъ, —
Блѣдная тѣнь набѣгаетъ и таетъ...
Мнится мнѣ ночью: межъ бѣлыхъ березъ
Бродить въ туманномъ сіяньи Морозъ.

Ночью въ избѣ, подъ напѣвы метели,
Тихо разносится скрипъ колыбели...
Мѣсяца свѣтъ въ темнотѣ серебрится, —
Въ мерзлыя стекла по лавкамъ струится...
Мнится мнѣ ночью: межъ сучьевъ березъ
Смотрить въ безмолвныя избы Морозъ.

Мертвое поле, дорога степная!
Вьюга тебя заметаетъ ночная,
Спятъ твои села подъ иѣсни метели,
Дремлютъ печальныя, темныя ели...
Мнится мнѣ ночью: не степи кругомъ, —
Бродить Морозъ на погостѣ глухомъ...

М А Т Ъ.

И дни, и ночи до утра
 Въ степи бураны бушевали
 И вѣшки снѣгомъ заметали,
 И заносили хутора.
 А домъ стоялъ въ открытомъ полѣ
 Печальнымъ сторожемъ степнымъ,
 И вѣтеръ бѣшенный надъ нимъ
 Какъ будто тѣшился на волѣ.
 Онъ крышу снесъ, врывался въ домъ —
 И стекла въ рамахъ дребезжали,
 И снѣгъ сухой въ старинной залѣ
 Кружился въ сумракѣ ночномъ.

Но былъ огонь... Не угасая,
 Въ пристройкѣ робко онъ свѣтилъ,
 И кто-то тамъ всю ночь ходилъ,
 Глазъ до разсвѣта не смыкая.

То мать была. Забывши страхъ,
 Она одна насъ не кидала;
 Съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ,
 Она одна душой страдала.
 Она мерцавшую свѣчу
 Старинной книгой заслонила,
 И, положивъ его къ плечу,
 Все напѣвала и ходила...

И ночь тянулась безъ конца...
 Порой, дремотой обвѣвая,
 Шумѣла тише вьюга злая,
 Шуршала снѣгомъ у крыльца.
 Когда жъ буря въ порывѣ дикомъ
 Внезапнымъ шкваломъ налеталъ,—
 Казалось ей, что домъ дрожалъ,
 Что кто-то слабымъ, дальнимъ крикомъ
 Въ степи на помощь призывалъ.
 И до утра не разъ слезами
 Ея усталый взоръ блестѣлъ,
 А мальчикъ вздрагивалъ, глядѣлъ
 Большими темными глазами...

Далеко хуторъ мой родной,
 Давно прошли тѣ дни и ночи,
 Когда я видѣлъ предъ собой

Ея заплаканныя очи.
Но не забыть ихъ никогда!
Во тѣмъ житейскаго ненастья,
Въ часы раздумья и труда
Я вспоминаю ихъ, какъ счастье,—
Какъ радость дѣтства моего,
Какъ утѣшенье предъ разлукой,
Какъ ласку нѣжную того,
Кто далъ мнѣ жизнь своею мукой!

НОЧЬ и ДЕНЬ.

Старую книгу читаю я въ долгія ночи
При одинокомъ и тихо-дрожащемъ огнѣ:
„Все мимолетно, — и скорби, и радость, и пѣсни...
Вѣченъ лишь Богъ. Онъ въ ночной, неземной тишинѣ“.

Ясное небо я вижу въ окно на разсвѣтъ.
Солнце восходить и горы къ лазури зовутъ:
„Старую книгу оставь на столѣ до заката.
Птицы о радости вѣчнаго Бога поютъ!“

РУЧЕЙ.

Ручей среди сухихъ песковъ...
Куда спѣшить и убѣгаетъ?
Зачѣмъ межъ скудныхъ береговъ
Такъ стойко путь свой пролагаетъ?

Отъ зноя блѣденъ небосклонъ,
Ни облачка въ лазури жаркой;
Весь міръ какъ будто заключенъ
Въ песчаный кругъ въ пустынь яркой.

А онъ, прозраченъ, говорливъ,
Онъ словно знаетъ, что съ востока
Придетъ онъ къ морю, гдѣ заливъ
Предъ нимъ раскроетъ даль широко

И приметъ свѣтлую струю,
Подъ вольной ширью небосклона,
Въ безбрежность синюю свою,
Въ свое торжественное лоно.

ВЪ АЛЬПАХЪ.

СОНЕТЪ.

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходить дни. Быть можетъ, и до нынѣ
Снѣга хранить мой одинокій слѣдъ.

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостно сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.

И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня пойметъ. Пусть никогда въ долину
Его толпы не радуется привѣтъ!

На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ.

ОБЛАКО.

Высоко въ просторѣ неба,
Все сіяя бѣлизнаю,
Вышло облачко на полдень
Надъ равниной водяною.

Изъ болотъ оно возстало,
Изъ холоднаго тумана,
Но, какъ лебедь, засіяло
Въ синей стали океана...

Не затѣмъ-ли ты возникло,
Чтобы въ вѣчномъ отразиться?
Не затѣмъ-ли въ высь стремилось,
Чтобъ подъ солнцемъ раствориться?

Вышло облачко высоко,
Стало тонкое, сквозное,
Улыбнулось одиноко —
И угасло въ яркомъ зноѣ.

ПОДСНѢЖНИКИ.

Раскрылось небо голубое
Межъ облаковъ въ апрѣльскій день.
Въ лѣсу все сѣрое, сухое
И паутиной пала тѣнь.

За то все ярче и нѣжнѣе
Живая неба бирюза,
И смотреть, весело синѣя,
Въ кустахъ подснѣжниковъ глаза.

Змѣя, шурша листвою дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ
И въ лѣсъ пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по землѣ.

И нѣжный вѣтеръ, поднимая
Весенний шумъ своимъ крыломъ,
Пахнулъ широко лаской мая
И мягкимъ солнечнымъ тепломъ.

Сухіе листья, запахъ пряный,
Атласный блескъ березняка...
О, какъ за этою поляной
Просѣвка стройно-глубока!

Какъ утонченно-ярки краски,
Какъ даль свѣтла и хороша!
Какъ жадно вѣрить внешней ласкѣ
Освобожденная душа!

ЭЛЕГІЯ

Стояли почи сѣвернаго мая,
И рѣялъ въ домѣ блѣдный полусвѣтъ.
Я легъ уснуть, но, тишинѣ внимая,
Все вспоминалъ о грезахъ прежнихъ лѣтъ.

Я звалъ тебя, какъ въ юности далекой,
И слышалъ я, какъ ты вошла въ мой домъ,—
Неуловимый призракъ одинокій
Въ старинномъ залѣ, низкомъ и пустомъ.

Я различалъ за шелестомъ одежды
Твои шаги въ глубокой тишинѣ,—
И сладкія, забытыя надежды,
Мгновенныя, стѣснили сердце мнѣ.

Я уловилъ изъ оконъ свѣжесть мая,
Глядѣлъ во тьму съ тревогой прежнихъ лѣтъ...
И призракъ твой, и тишина нѣмая
Сливались въ грустный, блѣдный полусвѣтъ!

ВЪ СТАРОМЪ ГОРОДѢ.

Съ темной башни колоколь уныло
Возвѣщаетъ, что закатъ угасъ.
Вотъ и снова городъ ночь сокрыла
Въ мягкій сумракъ отъ усталыхъ глазъ.

И нисходитъ кроткій часъ покоя
На дѣла людскія. Въ вышинѣ
Робко свѣтятъ звѣзды. Все земное
Смерть, какъ стражъ, обходитъ въ тишинѣ.

Улицей бредетъ она пустынной,
Смотритъ въ окна, гдѣ чернѣетъ тьма...
Всюду глухо. Съ важностью старинной
Въ переулкахъ высятся дома.

Тамъ въ садахъ платаны зацвѣтають,
Нѣжно вѣетъ раннею весной,
А на окнахъ дѣвушки мечтають,
Упиваясь свѣжестью ночной,

И въ молчаньи только имъ не страшень
Близкой смерти медленный дозоръ,
Сонный городъ, думы черныхъ башень
И часовъ задумчивый укоръ.

Отошли закаты на далекій сѣверъ,
Но всю ночь хранится солнца алый слѣдъ...
Тихо въ темномъ полѣ, сладко пахнетъ клеверъ,
Надъ землею брезжить тонкій полусвѣтъ.

Это — ночи робкихъ, молодыхъ мечтаній,
Предразсвѣтный сумракъ въ чуткомъ полуснѣ...
Это — ночи грусти и воспоминаній,—
Думы на закатѣ о былой веснѣ...

Облака, какъ призраки развалинъ,
Встали на зарѣ изъ-за долинъ.
Теплый вечеръ темень и печалецъ,—
Въ темномъ домѣ я совсѣмъ одинъ.

Слабымъ звономъ люстра отвѣчаетъ
На шаги по комнатѣ пустой...
А вдали заря зарю встрѣчаетъ,
Ночь зоветъ безсмертной красотой.

Покоряясь смѣнѣ, одиноко
Мы уходимъ... Скоро догоритъ
Нашъ закатъ... Но день ужъ не далеко,—
Онъ другихъ улыбкой озаритъ.

Кто въ вечерній, грустный часъ отвѣтитъ,
Для чего лелѣялъ я мечты?
Не затѣмъ-ли, чтобъ покорно встрѣтить
Эту смѣну вѣчной красоты?

С Ч А С Т Ь Е.

П. А. Вилусу.

Весенняго ливня мы ждемъ...
Ужъ тучки синѣютъ сердито
И въ воздухѣ пахнетъ дождемъ,
А къ югу все небо раскрыто...
Какъ чисто и весело въ немъ!

Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,—
Стоять зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ-бы казались пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.

Вдругъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала — и, сотнями иголъ

Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгаль —
И садъ зашумѣлъ отъ дождя.

И вѣтеръ, играя листвою,
Смѣшалъ молодая березки,
И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блестки,
А лужи налилъ синевою.

Вонъ радуга... Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ,
И счастьемъ простымъ дорожить:
Съ открытой бродить головой,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдкѣ песокъ золотой...
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ!

Ту звѣзду, что качалася въ темной водѣ
Подъ кривою раkitой въ загloхшемъ саду, —
Оgoneкъ, до разсвѣта мерцавшій въ прудѣ,
Я теперь въ небесахъ никогда не найду.

Въ то селенье, гдѣ шли молодые года,
Въ старый домъ, гдѣ я первая пѣсни слагалъ,
Гдѣ я счастья и радости въ юности ждалъ,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

И какъ будто не я по зарямъ тамъ бродилъ,
И какъ будто не я тамъ любилъ и грустилъ...
Милый дѣвичій образъ поблекъ, какъ цвѣты...
Незабвенны лишь вы, молодые мечты!

НА МОНАСТЫРСКОМЪ КЛАДЫЩѢ.

Ударилъ колоколъ — и дрогнулъ сонъ гробницъ,
И голубей испуганная стая
Вдругъ поднялась съ карнизовъ и бойницъ
И закружилась, крыльями блистая,
Надъ мшистою стѣной монастыря...

О, ранній благовѣстъ и майская заря!
Какъ этотъ звонъ, могучій и тяжелый,
Сливается съ открытой и веселой
Равниной зеленѣющихъ полей!..
Ударилъ колоколъ — и стала ночь свѣтлѣй,
И позабыты старыя гробницы
И кельи тѣсныя, и страхи темноты, —
Душа, затрепетавъ крылами вольной птицы,
Коснулась радостной и вѣчной красоты
И видитъ только даль и свѣтъ зари зеркальной
Подъ этотъ мѣрный гулъ, густой и музыкальный!

АКЕРМАНСКІЯ СТЕПИ.

„КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ“ МИЦКЕВИЧА.

Выходимъ на просторъ степного океана.
Возъ тонетъ въ зелени, какъ челнъ въ равнинѣ водъ,
Межъ заводей цвѣтовъ, въ волнахъ травы плыветъ,
Минуя острова багрянаго бурьяна.

Темнѣетъ. Впереди—ни шляха, ни кургана.
Жду путеводныхъ звѣздъ, гляжу на небосводъ...
Вонъ блещетъ облако, а въ немъ звѣзда встаетъ:
То за стальнымъ Днѣстромъ маякъ у Акермана.

Какъ тихо! Постоимъ. Далеко въ сторонѣ
Я слышу журавлей въ незримой вышинѣ,
Внемлю, какъ мотылекъ въ травѣ цвѣты колышетъ,
Какъ гдѣ-то скользкій ужъ, шурша, въ бурьянѣ ползетъ.

Такъ ухо звука ждетъ, что можно-бы слышать
И зовъ съ Литвы... Но въ путь!—Никто не позоветъ.

КЕДРЬ.

Темный кедръ растетъ среди долины,—
Я люблю долины тихихъ горъ,—
Видитъ онъ далекія вершины
И глядится въ зеркало озеръ.

Темный кедръ одинъ въ горахъ тоскуетъ,—
Я люблю печаль весеннихъ дней,—
А кругомъ зеленый лѣсъ ликуетъ
И цвѣтутъ фіалки у корней.

Божій міръ люблю я,— въ вѣчной смѣнѣ
Онъ живетъ и красотой цвѣтетъ...
Какъ повѣрить злобѣ или измѣнѣ?
Темный часъ проходитъ и пройдетъ!

Темный кедръ растетъ среди долины,—
Разцвѣтай, на перекорь судьбы!..
Быстро дни идутъ, но ни единый
Не пройдетъ безъ думы о тебѣ!

Зеленый цвѣтъ морской воды
Сквозить въ стеклянномъ небосклонѣ;
Алмазъ предъутренней звѣзды
Блестять въ его прозрачномъ лонѣ.

И какъ ребенокъ послѣ сна,
Дрожить звѣзда въ огнѣ денницы,
А вѣтеръ дуетъ ей въ рѣсницы,
Чтобъ не закрыла ихъ она.

Въ поздній часъ мы были съ нею въ полѣ,
Я дрожа касался нѣжныхъ губъ.
„Я хочу объятія до боли, —
Будь со мной безжалостенъ и грубъ!“

Утомясь, она просила нѣжно:
„Убаюкай, дай мнѣ отдохнуть!
Не цѣлуй такъ крѣпко и мятежно,
Положи мнѣ голову на грудь“.

Звѣзды тихо искрились надъ нами,
Тонко пахло свѣжестью росы.
Ласково касался я устами
До горячихъ щекъ и до косы.

И она забылась. Разъ проснулась,
Какъ дитя, вздохнула въ полуснѣ,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалася ко мнѣ.

Ночь царила долго въ темномъ полѣ.
Долго милый сонъ я охранялъ...
А потомъ на золотомъ престолѣ,
На востокѣ, тихо засіялъ

Новый день, — въ поляхъ прохладно стало...
Я ее тихонько разбудилъ
И въ степи, сверкающей и алой,
По росамъ до дому проводилъ...

Н О Ч Ь.

Ищу я въ этомъ мірѣ сочетанья
Прекраснаго и вѣчнаго. Вдали
Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звѣздный свѣтъ надъ сумракомъ земли.

Какъ письмена, мерцають въ тверди синей
Плеяды, Вега, Марсъ и Оріонъ.
Люблю я ихъ теченье надъ пустыней
И тайный смыслъ ихъ царственныхъ именъ!

Какъ нынѣ я, miryады глазъ слѣдили
Ихъ древній путь. И въ глубинѣ вѣковъ
Всѣ, для кого онѣ во тмѣ свѣтили,
Исчезли въ ней, какъ слѣдъ среди песковъ.

Ихъ было много, иѣжныхъ и любившихъ,
И дѣвушекъ, и юношей, и жепъ,
Ночей и звѣздъ, прозрачно-серебрившихъ
Ефратъ и Ниль, Мемфисъ и Вавилонъ.

И всѣхъ, кто былъ и въ мѣрѣ жилъ когда-то,
Кто созерцалъ сіянье ихъ лучей,
Всѣхъ, отошедшихъ въ вѣчность безъ возврата,
Я воскрешаю въ сумракѣ ночей.

Вотъ снова ночь. Надъ блѣдной сталью Понта
Юпитеръ озаряетъ небеса.
И въ зеркалѣ воды до горизонта,
Столбомъ стекляннымъ свѣтитъ потоса.

Прибрежья, гдѣ бродили тавро-скины,
Уже не тѣ, — лишь море въ лѣтній штиль
Все также сыплетъ ласково на рифы
Лазурно-фосфорическую пыль.

Но есть одно, что вѣчной красотою
Связуетъ насъ съ отжившими. Была
Такая-жъ ночь — и къ тихому прибою
Со мной на берегъ дѣвушка пришла.

И не забыть мнѣ этой ночи звѣздной,
Когда весь мѣръ любилъ я для одной!
Пусть я живу мечтою бесполезной,
Туманной и обманчивой мечтой, —

Ищу я въ этомъ мѣрѣ сочетанья
Прекраснаго и тайнаго, какъ сонъ,
Люблю ее за счастье слянья
Въ одной любви съ любовью всѣхъ временъ!

Спокойный взоръ, подобный взору лани,
И все, что въ немъ такъ нѣжно я любить,
Я до сихъ поръ въ печали не забылъ,
Но образъ твой теперь уже въ туманѣ.

А будутъ дни — угаснетъ и печаль,
И засинѣетъ сонъ воспоминанья,
Гдѣ нѣтъ уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

За все тебя, Господь, благодарю!
Ты, послѣ дня тревоги и печали,
Даруешь мнѣ вечернюю зарю,
Просторъ полей и кротость синей дали.

Я одинокъ и нынче, какъ всегда,
Но вотъ закатъ разлилъ свой пышный пламень,
И таетъ въ немъ Вечерняя Звѣзда,
Дрожа насквозь, какъ самоцвѣтный камень.

И счастливъ я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая въ сознаньи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаньи,
Что всѣмъ я чуждъ и говорю — съ Тобой!

У Т Р О.

Свѣтитъ въ горы небо голубое,
Молодое утро сходить съ горъ.
Далеко внизу — кайма прибоя,
А за ней — сіяющій просторъ.

Съ высоты къ востоку смотреть горы,
Гдѣ за нѣжно-млечной синевою
Тають въ морѣ бѣлые узоры
Отдаленной цѣпи снѣговой.

И въ дали таинственной и зыбкой
Изъ-за горъ восходить солнца свѣтъ —
Точно горы свѣтлою улыбкой
Отвѣчаютъ братьямъ на привѣтъ.

ВЕСНЯНКА.

Передъ грозой въ Петровки, жаркой почью,
Среди лѣсного ропота и шума,
Спѣшила я, спотыкаясь на коряги
И путаясь межъ елокъ, за Веснянкой.
Она, какъ легкій призракъ, уходила,
Какъ дѣвочка, скакала по оврагамъ,
И, бѣлая, мелькала въ темнотѣ,
Когда зарницу вѣтромъ раздувало.
Въ одинъ прыжокъ я могъ ее настигнуть,
Но у меня ужъ заеклись уста
И сердце трепетало, точно голубь.
„Постой!“ — хотѣлъ я крикнуть — и не могъ.

Мы долго съ ней бѣжали по болоту,
Вдоль озера, вдоль отмели, заросшей

Купавами, травой и камышами,
И, наконецъ, я выбился изъ силъ.
Хочу сказать: „Остановись, не бойся!“
Она на мигъ оглянется — и въ путь!
А между тѣмъ въ лѣсу поднялся вѣтеръ,
Деревья недовольно зароптали,
Задвигали мохнатой хвоей ели
И звѣзды замелькали изъ-за нихъ.
Кричу за ней: „Остановись, послушай!
Я все равно до свѣта не отстану,
Ты понапрасну мучишься“... Не слышитъ!

Вдругъ молнія всю чащу озарила
Таинственнымъ и блѣдно-синимъ свѣтомъ...
„Стой! крикнуть! я.— Лишь слово! Я не трону“...
(Она остановилась на мгновенье)
„Постой! — сказалъ я грустно. — Я измученъ,
Я потерялъ надежду... Но скажи:
Зачѣмъ-же ты мнѣ душу обольщала?
Зачѣмъ со мной встрѣчалась вечерами,
Ждала меня надъ заводью темнѣвшей,
Гдѣ сумрачно и тускло рдѣли воды?
Зачѣмъ со мной ты слушала, грустя,
Далекихъ пѣсень радость молодую?
Зачѣмъ потомъ, когда онѣ смолкали
И только комары звенѣли сонно
Да нѣжно пахло теплою водой,

Ты разбирала ласково мнѣ кудри,
А я глядѣлъ съ твоихъ колѣнъ въ глаза?
Зачѣмъ во тѣмѣ, когда изъ тихой роши
Гремѣли соловьи, ты наклонялась
Къ моей щекѣ горячею щекой
И цѣловала... прежде — осторожно,
Едва касаясь жадныхъ устъ устами,
А послѣ — все томительнѣй и крѣпче?
Скажи, зачѣмъ?“ Она лицо и очи
Закрыла вдругъ и горько зарыдала.
„Да любишь-ли?“ — вскричалъ, я озлобляясь.
„Нѣтъ! — съ злобою отрѣзала она, —
„Нѣтъ, не люблю и никогда не буду“!

И долго мы, какъ звѣри за добычей,
Опять бѣжали въ рошѣ. Шумный ливень
По темнымъ чащамъ съ громомъ бушевалъ,
Даль раскрывали молніи, и ярко
Бѣлѣло платье дѣвичье... Но вдругъ
Оно исчезло, точно провалилось.
Я выскочилъ съ разбѣгу на опушку,
Упалъ въ овесъ, закутанный и мокрый,
И зарыдалъ, какъ мальчишкѣ... Слезы долго
И сладостно мнѣ сердце облегчали,
Но, наконецъ, изсякли. Въ вышинѣ,
Сквозь жидкія, разорванныя тучи,
Мелькнули звѣзды. Вѣтеръ осторожно

И, какъ живой, среди овсовъ шурша,
Пахнулъ съ гречихъ медвянымъ ароматомъ,
И вдругъ, открывъ глаза, я улыбнулся.

„О, нѣтъ!—сказалъ я, радостно вздохнувъ,—
„Я все прощу, я все смогу исправить!
„Я страсть сломилъ... Пойду къ ней и скажу:
„Прости меня,—я изнемогъ, измученъ,—
„Люби другихъ,—меня лишь пожалѣй.
„Такъ горестно, такъ сладко жить на свѣтѣ,
„Любя нераздѣленной любовью,
„Но чувствуя, что ты не одинокъ!“
„И вновь вскочивъ, я вновь упалъ на землю.
Я замиралъ, я трепеталъ отъ скорби,
Стоналъ, какъ звѣрь, и плакалъ, расточая
Безумныя и нѣжныя слова...
Потомъ я обезсилѣлъ. Наступило
Сѣдое утро, тихое, сырое,
Овсы къ землѣ приникли — и устало
Я головой склонился на межу...
О, если-бъ былъ я проще и спокойнѣй!
О, если-бы такъ нѣжно не любилъ!
Но поздно сокрушаться... Наступаетъ
Ненастный день, туманный и сырой,
Грозы не будетъ больше... Скоро осень.

ПОДЪ ТУЧЕЙ.

Полями пахнетъ, — свѣжихъ травъ,
Луговъ прохладное дыханье!
Отъ сѣнокосовъ и дубравъ
И въ немъ ловлю благоуханье.

Повѣтъ вѣтеръ — и замреть...
А надъ полями даль темнѣть,
И туча изъ-за нихъ растеть,
Закрыла солнце и синѣть.

Нежданной молніи игра,
Какъ мечъ, блеснувшій на мгновенье,
Вдругъ озарить изъ-за бугра, —
И снова сумракъ и томленье...

Какъ ты таинственна, гроза!
Какъ я люблю твое молчанье,
Твое внезапное блистанье, —
Твои безумные глаза!

Какъ жадно ядешь, когда сорвется
Твой ураганъ въ тиши нѣмой —
И въ бурномъ вихрѣ пронесется
Самъ Ангелъ Жизни надъ землею!

ЗАРНИЦА.

Зарницы ликъ, какъ сповидѣнье,
Блеснулъ — и въ темнотѣ исчезъ.
Но увидать я на мгновенье
Всю даль и глубину небесъ.

Тамъ въ горнемъ свѣтѣ встали горы
Изъ розоватыхъ облаковъ,
Тамъ градъ и райскіе соборы...
И снова черный палъ покровъ.

Вотъ задрожать и вспыхнулъ снова —
И снова блестящій восторгъ!
И мракъ томленія земного
Господь десницею расторгъ...

Не также-ль въ радости случайной
Мечта порой взмахнетъ крыломъ —
И вдругъ блеснетъ небесной тайной
Все потонувшее въ быломъ?

Звѣзды ночи осенней, холодныя звѣзды!
Какъ угрюмо и грустно мерцаете вы!
Небо тускло и глухо, какъ своды собора,
И заливы морскіе — темны и мертвы.

Млечный Путь надъ заливами смутно блѣдетъ,
Точно саванъ ночной, точно блѣдный просвѣтъ
Въ бездну Вѣчныхъ Ночей, въ запредѣльное небо,
Гдѣ ни скорби, ни радости мнѣ.

И осеннія звѣзды, угрюмо мерцаи
Безнадежнымъ мерцаніемъ тусклыхъ лучей,
Говорять объ иной, — о предвѣчной печали
Запредѣльныхъ Ночей.

Свѣтло, какъ днемъ, и тѣнь за нами бродить
Въ нагихъ кустахъ. На серебрѣ травы
Луна съ небесъ таинственно обводитъ
Сіяніе вокругъ темной головы.

Луна взошла надъ садомъ такъ высоко,
Что рѣдкій садъ весь виденъ до воротъ.
И все молчить. И вѣтъ издалека
Съ пустого поля сыростью болотъ.

Остановясь, ловлю твой взоръ прощальный
Но въ сердцѣ холодъ мертвенный тая —
И блѣдный ликъ, загадочно-печальный,
Подъ блѣдною луной не узнаю!

Смотрить мѣсяцъ ненастный, какъ сыплются желтые листья,
Какъ проносится вѣтеръ въ безпомощно-зыбкомъ саду.
На кусты и поляны въ тоскѣ припадаютъ деревья:
„Пронеси, вольный вѣтеръ, скорѣй эту жуткую ночь!
„Не зато-ль такъ нещадно насъ мучить холодная осень,
„Что цвѣли мы весной, упиваясь улыбкой небесъ,
„Забывая въ дни счастья про черныя ночи ненастья, —
„Роковую расплату за радость весны и любви?
„Жизнь въ борьбѣ не страшна, но предъ смертью бороться
нѣтъ силы,
„Пусть скорѣе повѣетъ дыханіе бѣлой зимы!
„Смерть царить въ красотѣ и молчаніи синяго неба,
„Смерть придетъ въ тишинѣ и великомъ покоѣ снѣговъ!..“
Съ неземною печалью глядитъ затуманенный мѣсяцъ...
Вѣтеръ въ жуткомъ восторгѣ проносится въ черныхъ кустахъ:
„Достигайте въ несчастіи радости мукъ безпредѣльных!
Приготовьтесь къ великому мукой великихъ потерь!“

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Въ окно я вижу груды облаковъ
Холодныхъ, бѣлоснѣжныхъ, какъ зимою,
И яркость неба влажно-голубого.
Осенній полдень, свѣтелъ, и на сѣверѣ
Уходятъ тучи. Клены золотые
И бѣлыя березки у балкона
Сквозятъ на небѣ рѣдкою листвою
И хрусталемъ на нихъ сверкають льдники.
Онѣ, качаясь, таютъ, а за домомъ
Бушуетъ вѣтеръ... Двери на балконѣ
Уже давно заклеены къ зимѣ,
Двойныя рамы, топленныя печи —
Все охрашаетъ ветхій домъ отъ стужи,
А по-саду пустому кружить вѣтеръ
И, листья подметая по аллеямъ,
Гудитъ въ березахъ старыхъ... Свѣтелъ день,
Но холодно, — до снѣга недалеко.

Въ концѣ аллеи есть старая калитка.
 Подъ нею лужа зеркаломъ чернѣетъ,
 А въ лужѣ — куча листьевъ. За калиткой
 Зеленыхъ всходовъ лоснится равнина
 И даль полей открыта... Много дней
 Вдоль тѣхъ аллеи, среди березъ гудящихъ,
 Подъ холодомъ и вѣтромъ я скитался,
 Пытаясь къ одиночеству привыкнуть,
 Забыть тебя, унять тоску разлуки,
 Пока въ тоскѣ душа не истомилась,
 Пока недугъ печали не сломилъ...
 Теперь я отдыхаю. Одиноко
 Проходятъ дни, но горе миновало.
 Мнѣ весело глядѣть теперь на небо,
 На облака, на солнце... Я съ улыбкой
 Внимаю пѣснѣ вѣтра, что разгульно
 Весь день звенитъ и свищетъ въ щели рамъ.

Я часто вспоминаю осень юга...
 Теперь на Черномъ Морѣ непрерывно
 Бушуютъ бури: тусклый блескъ отъ солнца,
 Скалистый берегъ, бѣшенный прибой
 И въ шумѣ волнъ сверкающая пѣна...
 Ты помнишь этотъ берегъ, окаймленный
 Его широкой снѣжною грядой?
 Бывало, мы сбѣжимъ къ нему съ обрыва,
 И жадно ловимъ вѣтеръ. Вольно вѣтеръ

Онъ бодростью и свѣжестью морской;
 Срывая брызги съ бурнаго прибоя,
 Онъ влажной пылью воздухъ наполняетъ
 И снѣжныхъ чаекъ носить надъ волнами.
 Мы въ шумѣ волнъ кричимъ ему навстрѣчу,
 Онъ валитъ съ ногъ и заглушаетъ голосъ,
 А намъ легко и весело, какъ птицамъ...
 Ты помнишь, что я говорилъ тебѣ?
 „Не надо думать въ радости и горѣ!
 Люби и грусть, и радость, — пѣсни жизни“.

Все это сномъ мнѣ кажется теперь.
 Деревня, глушь, забытая усадьба
 И только, вѣтеръ тотъ-же... Онъ играетъ
 Въ березахъ старыхъ, кружится по саду
 И въ щели рамъ, мѣняясь каждый мигъ,
 Поетъ о чемъ-то звонко и высоко...
 Какое дѣло вѣтру до сомнѣній,
 До слезъ о прошломъ? Жизнь не замедляетъ
 Свой вольный бѣгъ, — она зоветъ впередъ,
 Она поетъ, какъ вѣтеръ, лишь о вѣчномъ!
 Зачѣмъ смущать себя бесплодной думой,
 Что мы живемъ не счастьемъ, а надеждой
 На это счастье, — что никто не знаетъ,
 Къ чему всѣ наши радости и скорби,
 Когда насъ ждетъ забвенье и ничто?
 Умру — и все-жъ останусь въ этомъ мірѣ,

Какъ часть его великой, вѣчной жизни,
И пусть, пока я сознаю его,
Пока я это чувствую и мыслю,
Пусть сердце не смущается въ печали,
Пусть любить все, что разлюбить не можетъ,
Пусть познаетъ, что и печаль, и радость
Равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ — жить!

ЭПИТАЛАМА.

Озаренъ былъ сумракъ мрачный
Въ старомъ храмѣ, и сіялъ
Чистый образъ новобрачной
При огняхъ, въ фатѣ прозрачной,
Подъ молитвенный хоралъ.

А изъ оконъ ночь синѣла;
Зимній вечеръ темень былъ,
Вьюга въ сумракѣ шумѣла,
Грустно съ колоколомъ пѣла,
Подымая слѣгъ съ могилъ...

Восприми же въ часть урочный
Юной жизни торжество!

Будь любимой, непорочной:
Близокъ мертвый часъ полночный,
Близокъ сонъ и мракъ его.

Сохрани уборъ вѣнчальный,
Сохрани цвѣты твои:
Въ жизни краткой и печальной
Свѣтитъ только безначальный,
Непорочный свѣтъ любви!

Изъ тѣсной пропасти ущелья
Намъ небо кажется синѣй.
Привѣтъ тебѣ, нѣмая келья
И радость одинокихъ дней!

Звучнѣй и пѣсни, и рыданья
Гремятъ подъ сводами тюрьмы.
Привѣтъ вамъ, гордые страданья
Среди ея холодной тьмы!

Изъ рудниковъ, изъ черной бездны
Намъ звѣзды видны даже днемъ.
Гляди смѣлѣе въ сумракъ звѣздный —
Предвѣчный свѣтъ таятъ въ немъ!

НА ГОРАХЪ.

Пока я шелъ, я былъ такъ малъ!
Я самъ себѣ такимъ казался,
Когда хребетъ далекихъ скалъ
Со мною росъ и возвышался.

Но на предѣльной ихъ чертѣ
Я переросъ ихъ восхождение.
Одинъ въ пустынной высотѣ,
Я чую высшихъ силъ томленье.

Земля — подножіе мое.
Ея громада поднимаетъ
Меня въ иное бытіе,
И душу радость обнимаетъ.

Но безды страхъ — онъ не исчезъ,
Онъ набѣгаетъ издалека...
Не потому-ль, что одиноко
Я заглянулъ въ лицо небесъ?

НОЧЬЮ ВЪ ПОЛѢ.

Не слышать еще тяжкаго грома за лѣсомъ, —
Только сполохъ зарницъ пробѣгаетъ въ вершинахъ...
Лапы елей висятъ неподвижнымъ навѣсомъ
И запуталась хвоя въ сухихъ паутинахъ...

Если-жъ молнія вспыхнетъ, какъ пламя надъ горномъ,
Раскрываются чащи въ изломахъ невѣрныхъ,
Точно древніе своды во храмахъ пещерныхъ,
Въ подземельи Перуна, высокомъ и черномъ!

КУРГАНЪ.

Любилъ онъ ночи темныя въ шатрѣ,
Степныхъ кобылъ залихватое ржанье,
И передъ битвой волчье завыванье,
И коршуновъ на сумрачномъ бугрѣ.

Нагую даль онъ осенью любилъ
И никогда не могъ насытить взора
Свободою пустынного простора
И широтою первобытныхъ силъ.

И жажду жизни силясь утолить,
Онъ за врагомъ скакать, какъ изступленный,
Чтобъ дерзостью погои опьяненной,
Горячей кровью землю напоить.

Стрѣлою скинѣ насквозь его пробилъ,
И тамъ, гдѣ смерть ему закрыла очи,
Возсталъ курганъ — и темный вѣтеръ ночи
Дождемъ холодныхъ слезъ его кропилъ.

Прошли вѣка, но слава древней были
Жила въ вѣкахъ... Нѣтъ смерти для того,
Кто жизнь любилъ, и пѣсни сохранили
Далекое наслѣдіе его.

Онъ поютъ печаль воспоминаній,
Онъ безсмертье прошлаго поютъ
И жизни, отошедшей въ міръ преданій,
Свой братскій зовъ и голосъ подаютъ.

СОНЪ-ЦВѢТОКЪ.

Это было глухое, тяжелое время.
Дни въ разлукѣ текли, я какъ мертвый блуждалъ,
А съ вечернимъ закатомъ я лошадь сѣдлалъ
И въ безлюдномъ дворѣ ставилъ ногу на стремя.

На горѣ меня темное поле встрѣчало.
Въ темноту, на востокъ, направлялъ я коня —
И пустынная ночь окружала меня
И, склонивши колосья, глубоко молчала.

Замыкалось кольцомъ море спѣлаго хлѣба.
Жизни не было въ немъ. Уже давно отцвѣли
Тѣ цвѣты, что въ поляхъ хороводы вели
И смотрѣли въ далекое, ясное небо.

И, молчанью внимая, я тихо склонялся
Головой на луку. Я безъ мысли глядѣлъ
На темнѣвщую даль и душой холодѣлъ
И въ холодной безмолвной тоскѣ забывался...

Позднимъ лѣтомъ въ степи на казацкихъ могилахъ
„Сонъ-цвѣтокъ“ въ полуснѣ одиноко цвѣтеть...
Онъ живой, но сухой... Онъ угаснуть не въ силахъ,
Но весна для него никогда не придетъ!

Морозное дыханіе метели
Еще свѣжо, но улеглась метель.
Бѣлѣть снѣга мшистая постель,
Въ сугробахъ стынуть траурныя ели.

Ночное небо низко и черно,—
Лишь въ глубинѣ, гдѣ Млечный Путь бѣлѣть,
Сквозить его таинственное дно
И холодомъ созвѣздій пламенѣть.

Обрывки тучъ порой темнѣютъ въ немъ,
Но стынеть ночь... И низко надъ землею
Усталый вихрь шипящею змѣю
Скользить и жжетъ своимъ сухимъ огнемъ.

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ.

Темный ельникъ снѣгами, какъ мѣхомъ,
Опустили сѣдые морозы,
Въ искрахъ инея, въ мелкихъ алмазахъ,
Задремали, склонившись, березы.

Неподвижно застыли ихъ вѣтки,
А межъ ними на снѣжное лоно,
Точно сквозь серебро кружевное,
Полный мѣсяцъ глядитъ съ небосклона.

Высоко онъ поднялся надъ лѣсомъ,
Въ яркомъ свѣтѣ своемъ цѣпенѣя,
И причудливо стелится тѣни,
На снѣгу подъ вѣтвями чернѣя.

Убаюкала вьюга сѣдая
Дикой пѣсней лѣсъ опустѣлый,
И заснулъ онъ, засыпанный снѣгомъ,
Весь сквозной, неподвижный и бѣлый.

Огонекъ изъ забытой сторожки
Чуть замѣтно и робко мерцаетъ,
Точно онъ притаился подъ лѣсомъ
И чего-то въ тиши поджидаетъ.

Въ дальнихъ чашахъ, гдѣ вѣтви и тѣни
Въ лунномъ свѣтѣ узоры слетаютъ,
Все мнѣ чудится что-то живое,
Все какъ будто звѣрки пробѣгаютъ.

Бриллиантомъ лучистымъ и яркимъ,
То зеленымъ, то синимъ играя,
На востокѣ, у трона Господня,
Остро блещетъ звѣзда, какъ живая.

А надъ лѣсомъ все выше и выше
Всходитъ мѣсяцъ—и въ дивномъ покоѣ
Замираетъ морозная полночь
И хрустальное царство лѣсное.

Б Р О Д Я Г И.

На позабытомъ трактѣ къ Оренбургу,
Въ безплодной и холмистой котловинѣ
Большой глухой дороги на востокъ,
Стоить въ лугу холщевая кибитка
И бродить кляча въ путяхъ. Ни души
Нѣтъ на лугу, — цыганъ въ кибиткѣ дремлетъ, —
И дѣвочка-подростокъ у дороги
Сидитъ себѣ одна и равнодушно,
Съ привычной скукой, смотреть на закатъ:
На солнце, уходящее за пашню,
На блескъ лучей надъ темнымъ косогоромъ.
Наморщивъ лобъ отъ вѣтра, вся въ лохмотьяхъ,
Она слѣдитъ въ безлюдьи за холоднымъ
Печальнымъ солнцемъ, тѣнью отъ холма
И алой пылью, вѣющей съ дороги
Изъ подъ копытъ кобылы, — то молчить,
То будто грезить, — что-то напѣваетъ...
Какая глушь! какая скудость жизни!
Какіе зачуханные напѣвы!

Но для чего-жъ, зачѣмъ-же я сроднился
Съ печалью степи? Отчего такъ сладко
Мнѣ рисовать его глухую жизнь?
О, что-то есть прекрасное въ забытыхъ
Нѣмыхъ поляхъ, какъ въ тишинѣ осенней!
Бродя по свѣту, выгнанный изъ дому
Родною скукой, часто вспоминаю
Я собственное дѣтство: протекло
Оно въ степи, среди лощинъ и пашней,
Среди такихъ-же голыхъ косогоровъ,
Какъ вотъ на этомъ трактѣ; много тихихъ
Печальныхъ дѣтствъ зачѣмъ-то разцвѣтало
И разцвѣтеть не разъ еще въ безлюдьи
Степныхъ полей; мнѣ тяжело любить ихъ,
Но какъ забыть родное?..

Ни души
Нѣтъ на лугу, а солнце въ тучку сѣло,
Темнѣетъ въ котловинѣ, вѣтеръ дуетъ
И ночь идетъ... Пошли Господь бродягамъ
Не думать днемъ и не слышать, какъ ночью
Шатается въ сухомъ бурьянѣ вѣтеръ
И что-то шепчетъ, словно въ забытѣ!
Спи подъ кибиткой, дѣвочка! Проснешься —
Буди отца больного, запрягай —
И снова въ путь... А для чего, — кто скажетъ?
Жизнь, какъ могила въ полѣ, молчалива.

КУСТАРНИКЪ.

Жесткой, черной листвою шелеститъ и трепещетъ кустарникъ,
Точно въ снѣжную даль убѣгаетъ въ испугѣ.
Въ бѣломъ полѣ стога, косогоръ и забытый овчарникъ
Тонутъ въ бѣломъ дыму разгулявшейся вьюги.

Дымный вѣтеръ кружить и несеть въ небѣ ворона бокомъ,
Конскій слѣдъ на бѣгу порошить-заметаешь...
Вонъ прохожій вдали. Истомленъ на пути одинокомъ,
Мертвымъ шагомъ онъ мѣрно и тупо шагаетъ.

„Добрый путь, человѣкъ! Далеко-ль до села, до ночлега?“
Онъ не слышитъ, идетъ, только голову клонить...
А куда и спѣшить противъ холода, вѣтра и снѣга?
Родились мы въ снѣгу, — вьюга насъ и схоронитъ.

Занесетъ равнодушно, какъ стога, какъ забытый овчарникъ...
Хорошо ей у насъ, на просторѣ великомъ!
Безпріютная жизнь, одинокій подъ бурей кустарникъ,
Не тебѣ одолѣть въ полѣ темномъ и дикомъ!

НА ОСТРОВЪ.

Люблю я нашъ обрывъ, гдѣ дикою грядою
Бѣлѣютъ стѣны скаль, смотря на дальній югъ,
Гдѣ моря синяго раскинуть полукругъ,
Гдѣ кажется, что міръ кончается водою
И дышется легко среди безбрежныхъ водъ.

Въ веселый лѣтній день, когда на солнцѣ блещетъ
Скалистый известнякъ, и въ каждый звонкій гротъ
Зеленая вода хрустальной влагой плещетъ,
Люблю я зной, и ширь, и вольный небосводъ
И тихихъ острововъ пустынные высоты.

Ласкаютъ ихъ вѣтры и волны лижутъ ихъ,
А чайки зоркія заглядываютъ въ гроты,—
Косятся въ чуткій мракъ пещеръ береговыхъ
И вдругъ, надъ бѣлыми утесами взмывая,
Сверкаютъ крыльями въ просторахъ голубыхъ,
Кого-то жалобно и звонко призывая.

ЗВѢЗДЫ.

Не устанемъ воспѣвать васъ, звѣзды! —
Вѣчно вы таинственны и юны.
Съ дѣтскихъ дней я робко постигаю
Темныхъ безднъ сіяющія руны.

Въ дѣтствѣ я любилъ васъ безотчетно,—
Сказкою вы нѣжною мерцали...
Въ молодые годы только съ вами
Я дѣлилъ надежды и печали.

Вспоминая первыя признанья,
Я ищу межъ вами образъ милый...
Дни пройдутъ — вы будете свѣтиться
Надъ моей забытою могилой.

И, быть можетъ, я пойму васъ, звѣзды,
И мечта, быть можетъ, воплотится,
Что земнымъ надеждамъ и печаламъ
Суждено съ небесной тайной слиться!

ВЪ КОЛИЗЕѢ.

МОНОЛОГЪ МАИФРЕДА.

изъ байрона.

Сверкаютъ звѣзды, — полная луна
Надъ горными вершинами сіяетъ,
Надъ вѣчными снѣгами... Дивный видъ!
Люблю я ночь, — мнѣ образъ ночи ближе,
Чѣмъ образъ человѣка; въ созерцаньи
Ея спокойной, грустной красоты
Я постигаю рѣчь иного міра.

Мнѣ помнится, — когда я молодъ былъ
И странствовалъ, — въ такую ночь однажды
Я былъ среди развалинъ Колизея,
Среди останковъ царственного Рима.
Деревья вдоль разрушенныхъ аркадъ,
На синевѣ полуночной темноты,

Чуть колыхались по вѣтру, и звѣзды
Сіяли сквозь руины; изъ-за Тибра
Былъ слышенъ лай собакъ, а изъ дворца—
Протяжный стонъ совы и, замирая,
Невнятно доносились съ теплымъ вѣтромъ
Далекіе напѣвы часовыхъ.
Въ проломахъ стѣнъ, разрушенныхъ вѣками
Стояли кипарисы — и казалось,
Что ихъ кайма была на горизонтѣ,
А между тѣмъ лишь на полетъ стрѣлы
Я былъ отъ нихъ.

Гдѣ Цезарь жилъ когда-то
И гдѣ теперь живутъ ночныя птицы,
Уже не лавръ, а дикій плющъ растетъ
И лѣсъ встаетъ, корнями укрѣпляясь
Въ священномъ прахѣ царскихъ очаговъ,
Среди твердынь, сравнявшихся съ землею.
Кровавый циркъ стоитъ еще до нынѣ,
Еще хранить въ руинахъ величавыхъ
Былую мощь, но Цезаря покоя
И Августа чертоги ужъ давно
Поверглись въ прахъ и стали грудой камня.

И ты, луна, на нихъ свой свѣтъ лила,
Лишь ты одна смягчала пѣющимъ свѣтомъ
Сѣдую древность, дикость заустѣнья,
Скрывая всюду тяжкій слѣдъ времени.

Ты красоты былой не измѣняла,
Но осѣняла новой красотой
Все, въ чемъ она погибла, и руины
Казались священными, и сердце
Нѣмымъ благоговѣньемъ наполнялось
Передъ нѣмымъ величьемъ древней славы,
Предъ тѣмъ державнымъ прахомъ, что до нынѣ
Изъ глубины могильныхъ урнъ царить!

ЧАТЫРДАГЪ.

„КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ“ МПЦКЕВИЧА.

Склоняюсь съ трепетомъ къ стопамъ твоей твердыни,
Великій Чатырдагъ, могучій ханъ Йилы!
О, мачта крымскихъ горъ! О, минаретъ Аллы!
До тучъ вознесся ты въ лазурныя пустыни

И тамъ стоишь себѣ у вратъ надвѣздныхъ страпъ,
Какъ грозный Гавріиль у вратъ святого рая.
Зеленый лѣсъ — твой плащъ, а тучи — твой тюрбанъ,
И молніи на немъ узоры ткуть, блистаютъ.

Печетъ-ли солнце насъ, иливетъ-ли мгла, какъ дымъ,
Летитъ-ли саранча или жжетъ гяуръ селенья,
Ты, Чатырдагъ, всегда и нѣмъ, и недвижимъ.

Безстрастный драгоманъ всемірнаго творенья,
Поправъ весь дольний міръ подножаемъ своимъ,
Ты внемлешь лишь Творца предвѣчныя вѣдѣнья!

ЗАБЫТЫЙ ФОНТАНЪ.

СОНЕТЪ.

Разсыпался чертогъ изъ янтаря, —
Изъ края въ край сквозить аллея къ дому.
Холодное дыханье сентября
Разноситъ вѣтеръ по саду пустому.

Онъ заметасть листьями фонтанъ,
Вздымаетъ ихъ, внезапно налетая,
И, точно птицъ испуганная стая,
Они кружатъ среди сухихъ полянъ.

Порой къ фонтану дѣвушка приходитъ,
Влача по листьямъ спущенную шаль,
И по долгу очей съ него не сводить.

Въ ея лицѣ — застывшая печаль,
По цѣлымъ днямъ она, какъ призракъ, бродитъ,
А дни бѣгутъ... Имъ никого не жаль!

КОНДОРЪ.

СОНЕТЪ.

Громады горъ, зазубренные скалы
Изъ океана высятся грядой.
Подъ ними берегъ, дикій и пустой,
Надъ ними кондоръ, тяжкій и усталый.

Померкъ закатъ. Въ ущелья и провалы
Нисходитъ ночь. Гонимый темнотой,
Уродливо-плечистый и худой,
Онъ медленно спускается на скалы.

И долгій крикъ, звенящій крикъ тоски,
Вдругъ раздается жалобно и властно;
И замираетъ въ небѣ. Но безстрастно

Синѣетъ море. Скалы и пески
Скрываетъ ночь — и вѣетъ на вершинѣ
Дыханьемъ смерти, холодомъ пустыни.

* *

Что напрасно мечтать! Кто на пѣсню откликнется?
Каждый слышитъ въ ней только свое...
Пусть-же сердце скорѣй съ одиночествомъ свыкнется:
Все равно не веротишь ее!

Если-бъ вы и сошлись, если-бъ вы и смирились, —
Ужъ не той она будетъ, не той!..
Кто вернетъ тотъ закатъ, какъ на-вѣкъ вы простились,
Темный взоръ, засіявпій слезой?

Дни бѣгутъ — и теперь отъ былого остались
Только думы о томъ, чего нѣтъ,
Лишь цвѣты, что цвѣли въ день, когда вы вѣнчались,
Да поблекшій портретъ!

Чашу съ темнымъ виномъ подала мнѣ богиня печали.
Тихо выпивъ вино, я въ смертельной истомѣ поникъ.
И сказала безстрастно, съ холодной улыбкой богиня:
„Сладокъ ядъ мой хмѣльной. Это лозы съ могилы любви“.

Крестъ въ долинѣ при дорогѣ,
 А на немъ, на ржавыхъ копьяхъ
 У подножія Распятія,
 Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ...
 Какъ былъ ясенъ южный вечеръ!
 Какъ любилъ я вечерами
 Уходить въ просторъ долины,
 Къ одинокому кресту!

Тяжело въ тѣ дни мнѣ было.
 Я былъ молодъ, я навѣки
 Съ тѣмъ, кому я отдалъ душу,
 Разставался въ эти дни.
 Чья же грусть мою смирала?
 Кто, задумчивый и кроткій,
 Сплелъ въ долинѣ при дорогѣ
 Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ?

За широкою долиной,
 Въ балкахъ, даль полей снѣла,
 Южный августовскій вечеръ
 Былъ спокоенъ, тихъ и ясенъ,
 А въ долинѣ кто-то пѣлъ.
 И звала меня, томила
 Даль полей, что позднимъ лѣтомъ
 Такъ прекрасна и безстрашна,
 Такъ безлюдна и грустна...

Память сердца, образъ милый!
 Все, чѣмъ молодость смущала,
 Все, чѣмъ сладко уивалось
 Молодое сердце въ скорби,
 Все теперь слилось съ тобой.
 Разлученъ съ тобою навѣки,
 Съ тайной болью воспоминаю
 То, чего забыть нѣтъ силы,
 Но съ печальнаго пути
 Все назадъ гляжу съ печалью,
 Все надѣюсь, что услышу
 Хоть послѣднее „прости!“

Какъ все спокойно и какъ все открыто!
Какъ на землѣ стало тихо и бѣдно!
Садъ осыпается, — все въ немъ забыто,
Небо велико и холодно-блѣдно...

Небо далекое, не ты ли, нѣмое,
Меня пугаешь своимъ просторомъ?
Здѣсь, въ этой бѣдности, гдѣ все родное,
Встрѣчу я осень радостнымъ взоромъ.

Еще разсыпнѣ огонь листопада,
И рѣдкія краски ласково-ярки;
Еще синицы свищутъ изъ сада,
И какъ имъ тихо въ забытомъ паркѣ!

И только ночью, когда бушуетъ
Осенній вѣтеръ, все чуждо снова...
И одинокое сердце тоскуетъ:
О, если бы близость сердца родного!

НА ОЗЕРѢ.

На озерѣ, среди лѣсовъ зеленыхъ,
Кувшинки бѣлыя, какъ звѣзды, расцвѣли.
Въ Петровки, въ жаркій день, когда въ бору сосновомъ,
Такъ сухо и свѣтло отъ солнца и песковъ,
Я прихожу на лугъ, подъ тѣнь ольхи серебристой,
Гдѣ пахнетъ мятою и теплою водою,
Гдѣ рѣютъ радужно-стеклянные стрекозы
И блещетъ озеро среди стволовъ березъ.

На озерѣ, въ веселый лѣтній полдень,
Я слышу женскій смѣхъ, далекій крикъ и плескъ,
Въ бору за озеромъ аукается кто-то —
И сладко мнѣ дремать и слушать въ полуснѣ.
Люблю я молодыхъ, счастливыхъ и безпечныхъ,
Люблю зеленый лѣсъ и долгій лѣтній день,
Всѣ голоса его меня зовутъ, волнуютъ...
Но я заката жду... Я жду иной любви.

Закроются на озерѣ кувшинки...
Какъ ночь въ лѣсу темна, спокойна и тепла!
Кузнечики въ травѣ чуть шепчутся... Сквозь вѣтви
Блѣбеть озеро, — тамъ звѣзды въ глубинѣ...
Стоишь и слушаешь — и кажется, что звѣзды
Глядятъ изъ темныхъ водъ, а свѣтляки въ кустахъ
Для тѣхъ, кто ждетъ любви, затеплились недвижно...
И вотъ она идетъ, — неслышно и легко.

Таинственно съ песчаного побережья
Она сойдетъ къ водѣ, одежды тихо снявъ, —
И ласковымъ тепломъ ее вода обниметъ,
И закачается у берега звѣзда.
Какъ жутко-хорошо въ ночномъ подводномъ небѣ!
Какая глубина!.. Но поздно, — отдыхъ ждетъ:
Прохлады и легки одежды послѣ влаги,
Песокъ еще хранить полдненное тепло...
О, будутъ, будутъ сладкія мгновенья!
Мы будемъ счастливы, мы станемъ проводить
Всѣ эти темныя, таинственныя ночи
Наединѣ, вдвоемъ, у тихихъ звѣздныхъ водъ!
Я не нарушу клятвъ, я буду въ страсти нѣженъ,
Но свѣжесть влажныхъ косъ, но сладость юныхъ устъ
Я буду медленно впивать въ надеждѣ страстной
Всю душу взять твою — и все отдать тебѣ!

НА ОКРАИНАХЪ СИВАША.

СОНЕТЪ.

Багряная печальная луна
Виситъ вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблескъ съетъ
И надъ болотомъ красный сумракъ рѣетъ...
Ужъ поздно — и какая тишина!

Мнѣ кажется, — луна оцѣпенѣтъ:
Она какъ будто выросла со дна
И допотопной лиліей краснѣтъ...

Но меркнуть звѣзды. Даль озарена.
Равнина водъ на горизонтѣ млѣтъ
И въ ней луна столбомъ отражена.
Склонивъ лицо прозрачное, свѣтлѣтъ
И грустно въ воду смотрится она...

Поетъ комаръ. Тепломъ и гнилью вѣетъ.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ ВЪ ОБЕРЛАНДЪ.

В. П. КУРОВСКОМУ.

Лазурнымъ пламенемъ сияютъ небеса...
Какъ ясенъ зимній день, какъ восхищаютъ взоры
Въ безбрежной высотѣ изваянныя горы, —
Титановъ снѣговыхъ полярная краса!

На скатахъ ихъ, какъ сѣть, черпѣются лѣса
И бѣлыя поля сквозятъ въ ея узоры,
А выше, точно рать, бредетъ на косогоры
Темно-зеленыхъ пихтъ и елей полоса.

Зоветъ ихъ горный міръ, зовутъ снѣговъ пустыни,
И тянетъ къ нимъ уйдти, — бытъ вольнымъ, какъ пикарь,
И цѣлый день дышать морозомъ на вершинѣ.

Уйдти и чувствовать, что ты — пигмей и царь,
Что надъ тобой, какъ храмъ, воздвигся куполь синій
И блещетъ Зильбергориъ, какъ ледяной алтарь!

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Затрепетали звѣзды въ небѣ,
И отъ зари, изъ-за аллеи,
Повѣялъ чистый, легкій вѣтеръ
Весенней свѣжестью полей.

Къ закату, точно окрыленный,
Слѣшу за нимъ, и жадно грудь
Его вечерней ласки ищетъ
И счастья въ жизни потонуть.

Всѣхъ для кого берегъ я юность,
Кого любилъ, опять люблю
И въ тепломъ вѣтрѣ, въ звѣздномъ небѣ
Вновь ласки женскія ловлю.

Не вѣрю, что умру, устану,
Что навсегда въ землѣ усну, —
Нѣтъ, — упоенный счастьемъ жизни,
Я лишь до солнца отдохну.

И снова день меня разбудить,
И снова, — чѣмъ-бы ни быть я, —
Я буду жить и сладко плакать
И славить радость бытія!

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Листопадъ	1
Разсвѣтъ	11
„Гроза прошла“	12
Осенняя пѣсня	13
Съ Кургана	15
Лѣсная дорога	16
Оттепель	18
Жемчугъ	20
„Какъ флеромъ“	21
На проселкѣ	22
Изъ сказки	23
„Къ побережью моря“	24
Подъ нарусомъ	26
Соловьи	28
Въ Костелѣ	30
Эпитафія	34
Смерть	35
На распутьи	36

II

	СТР.
Вирь	39
Ковыль	42
Послѣдняя гроза	45
Костеръ	48
Ракета	49
Астры	50
„Въ пустынной вышинѣ“	52
„Не видно птицъ“	54
Въ отъѣзжемъ полѣ	56
Родина	57
„Вьется путь“	58
„Скачетъ пристыжная“	60
Ночная вьюга	61
Звѣзды	63
Въ февралѣ	65
Весеннее	66
„Бушуетъ полая вода“	69
Въ Геосиманскомъ саду	71
Три ночи	73
„Христосъ воскресъ!“	75
„Когда вдоль корабля“	77
„Догорѣлъ апрѣльскій вечеръ“	78
„Прошли дожди“	79
„Въ сторонѣ далекой	80
Въ Маѣ	82
„Зной, но ясно“	83
Новолуніе	84
Первая любовь	85
„Звѣзды ночью весенней“	86

III

	СТР.
На прудѣ	87
„Когда деревья“	88
„Лѣсъ шумить“	89
Родникъ	90
„Вдали еще гремитъ“	91
„Снова сонъ“	92
„Какъ свѣтла“	93
Лилии	94
Вечерняя молитва	96
„Отдохни!“	100
Въ поѣздѣ	101
„Ночь идетъ“	103
„Въ темнѣющихъ поляхъ“	104
На ущербѣ	105
На Днѣпрѣ	106
По вечерней зарѣ	107
„Нынче ночью“	108
„Могила, вѣтряки“	110
„Ночь печальна“	111
„Неудовимый свѣтъ“	112
„Еще отъ дома на дворѣ“	113
Учанъ-Су	115
Изъ Л. де-Лилия	116
Зной	118
Закатъ	120
На дальнемъ сѣверѣ	121
Сумерки	123
„Зеленоватый свѣтъ“	124
„Отчего ты печально“	125

IV

	СТР.
Въ заливѣ	126
„Дологъ былъ“	127
Сѣверное море	129
„Поздній часъ“	130
Плеяды	131
„И вотъ опять ужъ по зарямъ“	132
Дома	134
На хуторѣ	136
„Ночь поблѣднѣла“	137
„Открыты живныя золотыя“	138
„Таинственно шумить“	140
Въ степи	141
Метель	145
Мать	146
Ночь и день	149
Ручей	150
Въ Альпахъ	151
Облако	152
Подсѣяники	153
Элегія	155
Въ старомъ городѣ	156
„Отошли закаты“	158
„Облака, какъ призраки“	159
Счастье	160
„Ту звѣзду“	162
На монастырскомъ кладбищѣ	163
Акерманскія степи	164
Кедръ	165
„Зеленый цвѣтъ морской воды“	166

V

	СТР.
„Въ поздній часъ“	167
Ночь	169
„Спокойный взоръ“	172
Вечерняя звѣзда	173
Утро	174
Веснянка	175
Подъ тучей	179
Зарница	181
„Звѣзды ночи весенней“	182
„Свѣтло, какъ днемъ“	183
„Смотрить мѣсяцъ ненастный“	184
Изъ дневника	185
Эпитазіама	189
„Изъ тѣсной пропасти ущелья“	191
На горахъ	192
Ночью въ юлѣ	193
Курганъ	194
Сонъ—цвѣтокъ	196
„Морозное дыханіе метели“	198
Крещенская ночь	199
Бродяги	201
Кустарникъ	203
На островѣ	204
Звѣзды	205
Въ Коллизеѣ	206
Чатырдагъ	209
Забытый фонтанъ	210
Кондоръ	211
„Что напрасно мечтать!“	212

	СТР.
„Чашу съ темнымъ виномъ“	213
„Крестъ въ долину при дорогѣ“	214
„Какъ все спокойно!“	216
На озерѣ	217
На окраинахъ Сиваша	219
Зимній день въ Оберландѣ	220
Весенній вечеръ	221

Списокъ отъ 20 декабря 1902 г.

(Продолженіе).

Цѣна.

Сеньбось. Полит. исторія соврем. Европы, 2 т. Изд. <i>третье печат.</i>	3 р. — к.
Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи	1 » 20 »
Инсаровъ. Современная Франція	2 » 50 »
Нурти. Исторія народного законодательства и демократіи въ Швейцаріи.	1 » — »
Зомбартъ. Идеалы соціальной политики	— » 40 »
Каутскій. Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ.	— » 40 »
Фальборнъ и Чарнолускій. Народное образованіе въ Россіи	1 » 50 »
Гюйо. Исторія и крит. совр. англ. ученій о нравственности	2 » — »
Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура	2 » — »
Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали.	2 » — »
Гюйо. Воспитаніе и наследственность	1 » 50 »
Гюйо. Искусство съ социологической точки зрѣнія	2 » — »
Гюйо. Стихи философа.	1 » — »
Левассоръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ	3 » — »
— Учительскія семинаріи и школы	2 » — »
— Испытанія на званія уѣздн., дом., город. и начальн. учителей, для зан. магом. духовн. должностей, на вольноопр. II разр. и на первый классный чинъ	1 » — »
— Испыт. на званіе нач. учит.	— » 25 »
— Учит. общ. кассы, курсы и съѣзды	— » 50 »
Ленлернъ. Воспитаніе и общество въ Англіи.	3 » — »
Паульсенъ. Общеобразовательная школа будущаго	— » 40 »
Мертваго. Не по торному пути	1 » 50 »
Майръ. Статистика и общественное дѣло	6 » — »
Дрейфусъ. Пять лѣтъ моей жизни	1 » 20 »
Штраусъ. Вольтеръ.	1 » — »
Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Изд. <i>второе</i>	— » 80 »
Каутскій. Аграрный вопросъ	1 » 50 »
Гертцъ. Аграрные вопросы.	— » 80 »
Вандервельде. Притягательная сила городовъ	— » 40 »
Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ	— » 80 »
Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ	1 » 50 »
Люнсембургъ. Промышленное развитіе Польши	— » 50 »
Финляндія.	3 » 50 »
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ хозяйствѣ.	1 » 50 »
Гобсонъ. Общественные идеалы Дж. Рескина	1 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ до новѣйшихъ временъ. Часть I.	2 » 50 »
Мутеръ. То же сочиненіе. Часть II.	2 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ	17 » — »

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА:

Цѣна:

Клейнъ. Чудеса земного шара	3 р. — к.	3 р. 50 к.
Боммели. Исторія земли	4 » 50 »	5 » 50 »
Гетчинсонъ. Вымершия чудовища		
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ		
Настольная книга по народному образованію, 3 т.	5 » — »	6 » — »

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПб. Невскій, 92).

- М. Горькій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I—V по 1 р. — к.
- М. Горькій. НА ДНѢ. Картин. 4 акта — » 60 »
- Скиталецъ. РАЗСКАЗЫ И ПѢСНИ. Томъ I 1 » — »
- Е. Чириковъ. РАЗСКАЗЫ. Тома I—III по 1 » — »
- Е. Чириковъ. ПЬЕСЫ. — » 60 »
- И. Бунинъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I 1 » — »
- И. Бунинъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II 1 » — »
- Н. Телешовъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I 1 » — »
- Серафимовичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I 1 » — »
- А. Купринъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I 1 » — »
- С. Юшкевичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I 1 » — »
- Шелли. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Новое
трехтомное изд. Вышелъ томъ I, съ гелиографіей Джардана . 2 « — »
- Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙВАТѢ. Роскошно-иллюстр.
изданіе: около 400 рис. въ текстъ; портретъ Лонгфелло; 22 боль-
шихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ 2 » — »
- Платонъ. ПИРЬ. Иллюстрированное изд.: снимки съ бюстовъ
Платона, Сократа, Аристофана, Алкивида; картины пира по
древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; сні-
мокъ съ картины «Пиръ» Фейербаха — » 60 »

*Выписывающіе изъ склада товарищества „ЗНАНІЕ“ за
пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно
по адресу: Контора т-ва „ЗНАНІЕ“ Спб. Невскій, 92.*

Довв. цензурою. Спб., 18-го Декабря 1902 г. Тип. И. М. Клебукова, Пряжка, 5.